МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.Н.ПОКРОВСКОГО
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кабинет истории Средних Веков

На правах рукописи

Профессор Е.А.КОСМИНСКИЙ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Выпуск II

/Лекции 4-10 /

Курс 1935/36 учебного года

К печати стенограмма лекций подготовлена профессором С.Д.СКАЗКИНЫМ при участии аспирантов М.В.КЕЛДЫШ и И.И.ПОДОЛЬСКОГО

Издание Сектора Заочного Обучения МГУ

Москва

1936 г.

„Пров 36"

Д
118

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
академии
293
36

Мособлгорлит №№ 16653, 16655, 16456, 16457, 16658, 16659 Тираж 500.

Сдано в производство 27/V—36 г. Ст формат 74×104 1/16 л.
Подписано к печати 15/VI—36 г Заказ 295.

Отпечатано в картопечатной мастерской Московского Института Инженеров Геодезии, Аэрофотосъемки и Картографии НКВД (МИИГАиК), Гороховский п., 4

Л Е К Ц И Я IУ-ая.

нужно прибавить еще судьбу третьего концентрического круга поместья- сидящего вокруг него мелкого свободного крестьянства. Мне уже приходилось указывать с самого начала своего изложения, что это мелкое крестьянство все больше и больше попадало в зависимость от крупного землевладельца, при чем процесс постепенного усиления задолженности играл здесь крупную роль. Затем сюда нужно прибавить и прямое социальное воздействие крупного землевладельца, который своим социальным весом, социальным влиянием подчинял себе окружающие мелкие землевладения. Мелкие землевладельцы отдаются под патронат, под покровительство этого крупного землевладельца для того, что искать защиты от других крупных землевладельцев, а также вымогательств государственных чиновников. Такого рода отдача себя под патронат имела только внешне вид добровольной, на самом деле она была вынужденной и об"яснялась тем тяжелым положением, в котором находился мелкий свободный землевладелец, не находивший для себя достаточной защиты у государства от сильных соседей угнетателей.

Захват земель мелких землевладельцев - явление, которое опять-таки не является новым в Римской Империи. Уже в последние века республики мы слышим постоянные жалобы на такого рода насилия со стороны крупных землевладельцев. Уже Цицерон говорит "latrocinia magna" - разбойных захватах полей, которые продолжались и в течение всего существования Римской Империи. Постепенно остатки свободного крестьянства все больше поглощаются крупными поместьями, свободные крестьяне делаются людьми зависимыми. При этом их парцелярная собственность постепенно тает, переходит в руки крупного землевладельца. При отдаче себя под покровительство мелкий собственник, а иногда даже целые деревни, целые крестьянские общины отдавали свою землю крупному землевладельцу, который становился собственником этой земли. Свободные крестьяне получали эту землю обратно, но уже на некоторых условиях, которые обычно возобновлялись каждые пять лет. Прежний мелкий собственник становится прекаристом, т.е. зависимым человеком, при чем не было никакой силы, которая защищала бы его от дальнейших вымогательств со стороны господина, от увеличения его эксплоатации.

Таково положение, в котором теперь оказывается крупное рабовладельческое поместье. Оно все еще в основном рабовладельческое: главную массу его составляют рабы, хотя большая часть из них посажена на землю, но часть продолжает работать на господской земле. Среди рабов не-мало уже вольноотпущенных.

Самое сохранение рабского состояния теряет значение, когда раб сажается на землю, обзаводится семьей, и когда, следовательно, меняется характер его эксплоатации. Господину уже выгоднее отпустить раба на свободу, сделать его юридически свободным, хотя фактически он и остается подчиненным господину. Рабская зависимость меняется, она становится тем, что можно назвать феодальной или крепостной зависимостью.

В сходном положении находились и колоны. Я уже говорил, что государство прикрепляло колонов к земле в интересах крупных землевладельцев, а также в интересах фиска. В таком же положении оказываются и остатки свободного крестьянства, те массы, которые, окружая поместье, связаны с земледелием. Создается сложное соединение рабовладения с крепостной эксплоатацией. В рабовладельческой формации начинают складываться элементы феодального способа производства феодальной эксплоатации, феодальной формации. Масса свободного крестьянства и прежде всего свободные арендаторы- колоны делаются феодально эксплоатируемыми крестьянами. Тот же процесс изменения происходит отчасти и в положении рабов, часть которых переходит на положение оседлого крестьянства, причем некоторые из них освобождаются от рабского состояния. Вообще, в положении рабов происходит некоторое смягчение, господин перестает быть полным распорядителем жизни и смерти раба. Раб становится об"ектом не только поместной, но и фискальной эксплоатации. Государство рассматривает его, как известную податную единицу. Господин уже связан в своем распоряжении этим рабом, он не может его убить, не может в некоторых случаях продать без земли, поскольку земля является об"ектом фискальной эксплоатации. Другими словами, известная часть рабов начинает переходить на положение крепостных и крепких к земле крестьян. Таким образом, в недрах рабовладельческих поместий начинают складываться элементы феодального порядка. С этим связан рост политической власти господина над сидящим на его земле населением. Я уже не говорю о рабах: по отношению к ним господин имел все права политической и личной власти. Он или его агент разбирал все дела между ними, судил их и т.д., хотя и здесь были некоторые ограничения. Но господин получает широкие политические права и по отношению к колонам, т.е. прежним свободным крестьянам, попавшим от него в зависимость. Я говорил, что уже во время республики существовали привилегированные поместья, напр. императорские вотчины. Они были исключены из общего муниципального управления, имели свой собственный суд, свою полицию, свою особую администрацию. Эти поместья отчасти перешли в руки крупных землевладельцев, пользовались правом экстерриториальности по отношению к муниципальному управлению, представляли собой какбы особый административный округ, в

котором административная власть была передана государством землевладельцу. Землевладелец отдельно от муниципий уплачивал государственные налоги, должен был поставлять определенное количество рекрутов, должен был приводить преступников, обнаруженных на его территории, в суд, наконец, мало по малу начинает судить сидящее на его земле население, хотя это право и не предоставлялось ему государством, заводил свои частные тюрьмы и начинал пользоваться своим полицейским аппаратом не только для государственных целей, но и для собственных, как принудительным аппаратом по отношению к сидящему на его земле населению.

Затем дальнейшее преобразование этого поместья. Я уже говорил о важном факте — постепенном переходе Римской Империи к натурально-хозяйственным отношениям и формам. Это явление отмечается всеми исследователями и я уже приводил разного рода попытки об"яснить его. Оно требует того, чтобы на нем остановиться подробнее.

Было ли действительно полное возвращение к натурально-хозяйственной форме в Римской Империи? Так сказать было бы неправильно, особенно по отношению к восточной части империи. На востоке мы видим по-прежнему и в период поздней Римской Империи, в IV и V в.в. и в следующих столетиях, т.е. уже в Византии, широкий хозяйственный оборот, большие города, как Византия, Александрия, Антиохия, которые насчитывают у себя население сотнями тысяч. Восточная часть Средиземного моря по-прежнему является районом широкого торгового оборота, который связан со странами, расположенными к востоку от Римской Империи, с Аравией, Индией и Китаем. Все это не прекращается и в следующие столетия. В то время, как запад постепенно переходил к формам натурального хозяйства под влиянием варварства, на востоке сохраняется более высокая культура, более высокий хозяйственный уровень. На западе и раньше торгово-хозяйственный оборот никогда не был так широк, как на востоке. Здесь было несколько важных городских пунктов, где он был сосредоточен. На первом месте стоял Рим с его своеобразным экономическим и культурным укладом, выросшим на грабеже, и когда империя начинает становиться не империей господствующего эксплоатирующего провинции класса города Рима, а когда на первое место становятся господствующие классы всей империи, значение Рима начинает постепенно падать. Рим в течение периода Империи находится в состоянии постепенного упадка. Те огромные накопления, которые были результатом захвата, не дают начала

росту нового производства. Эти накопления идут на непроизводительное потребление. Роскошная римская культура эпохи первых императоров представляет собой безумное расточение огромных ценностей. Расцвет римской культуры вырастает на почве награбленных богатств и непроизводительного потребления этих богатств. Конечно, Рим развивает и свое производство, развивает ремесла, но все это направлено на потребление накопленного богатства. В результате Рим постепенно теряет значение крупного экономического центра, центра империи, постепенно скудеет между тем, как центром экономическим, культурным и даже политическим все более и более становится восток. Запад, сравнительно поздно приобщенный к культуре и к широкому торговому обороту, подвергся значительному влиянию греко-римской культуры, но все же это влияние было сравнительно невелико. Существование муниципий не должно вводить нас в этом смысле в заблуждение. Эти бесчисленные города и городские округа Римской Империи были очень часто не-совсем тем, что мы понимаем под словом "город". Это были главным образом административные центры. Главной массой живущего в этих городах населения были местные землевладельцы. Ремесло и торговля существовали в этих городах, но они обслуживали ограниченный круг потребителей, имели сравнительно второстепенное значение. Поместья, которые развивались в Римской Империи, носили в значительной степени характер натурального хозяйства, самообслуживающегося, удовлетворяющего свои потребности своими собственными средствами.

Если мы вглядимся в то, что представляет собой рабовладельческое хозяйство, мы увидим там так называемую "familia urbana", т.е. целый многочисленный штат рабов, которые обслуживали домашнее хозяйство самого господина. Здесь мы найдем специалистов по всем решительно отраслям промышленной деятельности. В поместьи изготовлялось почти все, что могло бы так или иначе в нем понадобиться. Я не говорю о значительном количестве имеющихся здесь таких мастеров, как столяры, плотники, кузнецы, но мы видим здесь ювелиров, нередко специалистов в области искусств, скульпторов, живописцев, педагогов, домашних философов, которые были иногда среди рабов, врачей и т.д. Как раз в греческих городах, которые нередко или вместе со своим населением с молотка римским публиканам, были и представители искусства и науки. Греческая культура, таким образом, была использована римским рабовладельческим хозяйством в целом. Римское рабовладельческое поместье само себя обслуживало, покупались только редкие предметы, как дорогие ткани, которые приходили с востока, особенно шелка, которые привозились из Китая и Ср. Азии, затем восточные пряности, лакомства, предметы роскоши, аравийские аро-

каты и т.д. В остальном крупное поместье само себя обслуживало. Все производили дома." omnia

[illegible]". Что же касается развития внутреннего рынка римского города на западе, то он, в сущности говоря, ограничивался потребностями, главным образом, среднего и мелкого поместья или крестьянского хозяйства, но крестьянское хозяйство с его незначительной покупательной способностью не могло, конечно, содействовать укреплению и расширению этого внутреннего рынка. По мере того, как начинает все более и более исчезать мелкое и среднее землевладение, по мере того, как оно поглощается крупным землевладением, по мере того, как прикрепляется свободное крестьянство, - слабеет и сокращается и внутренний рынок Запада. Что касается связи с востоком, то торговля предметами роскоши служила потреблению небольшой господствующей верхушки крупных землевладельцев. Эти отношения с востоком сохраняются и в дальнейшем, в течение раннего средневековья. Падение внутреннего рынка, сосредоточение экономической жизни в поместьях решительным образом сказывается на судьбе городов. Города на западе постепенно начинают приходить в упадок. Те элементы ремесла и торговли, которые имелись в городах, все более и более сокращаются. Ремесленники и торговцы находят себе все меньше покупателей и потребителей, беднеют, и число их сокращается. С другой стороны, муниципии были не только местом промышленности и торговли. Город в западной империи представляет собой отчасти административный центр, отчасти центр, где жили мелкие и средние землевладельцы. Средние землевладельцы - вот что представляло собой высший слой городского населения. Крупное сенаторское землевладение не входило в состав муниципалитета. Муниципии были экономическим и культурным центром для элементов мелкого и среднего слоя землевладельцев данной области. Но как раз эти элементы постепенно падают и слабеют, а вместе с этим муниципии постепенно приходят в состояние упадка. Место его все более и более занимается старой организацией, приобретающей теперь новую силу - поместьем, которое впитывает в себя элементы, указанные много выше. Вот в основном тот процесс, который мы видим на западе. Он может быть охарактеризован, как возвращение к натуральному хозяйству, как постепенное всасывание самообслуживающимся поместьем тех элементов обмена, которые и до того были довольно слабы на западе. Но все эти процессы будут еще непонятны и не завершены, если мы будем их рассматривать только под этим углом зрения. Надо помнить, что рабовладельческое

общество не исчезло, что поместье остается рабовладельческим, основную массу поместья составляют рабы, что в хозяйстве этого поместья существенную роль играет эксплоатация этих рабов. Эксплоатация эта принимает иные, чем раньше формы, и на первый взгляд эти формы могут показаться более мягкими. Раб уже не является res (вещью), instrumentum vocale, он даже пользуется некоторой государственной защитой. Крепостническая эксплоатация может показаться на первый взгляд более мягкой, чем прежнее рабство, но раб все же остается рабом, и эксплоатация его не делается легче от перехода к натурально-хозяйственным формам. Мы видим, что крупную роль в этой эксплоатации трудящихся классов, в том числе и рабов, играет как раз вырастающее во все более чудовищную силу государство.

Этому росту государства, этой гипертрофии государства исследователи посвятили много внимания. И у Макса Вебера, и у Ростовцева, и у Петрушевского вы найдете это подчеркивание роли государства в падении империи. Я уже говорил вам о роли государства, которое по мнению этих ученых ставит перед собой гигантские цивилизаторские цели, приобщая к более высокой экономической и духовной культуре огромные массы населения отсталых областей, и для того, чтобы осуществить эти цели, защищать свои границы от напирающего со всех стороны врага, оно принуждено все время усиливать фискальный гнет, все больше и больше истощать население налогами, создавать огромный, дорогостоящий бюрократический аппарат. Наконец, оно прикрепляет все сословия к тяглу, превращает все население государства, так сказать, в крепостных и в конечном счете своими тяжестями, своими непомерными требованиями подавляет общество, над которым оно надстроено.

Мы с такой картиной в основном согласиться не можем, хотя, может быть, в ней имеются некоторые верные конкретные черты. Их мы можем выделить сразу. Это, конечно, прежде всего гипертрофия государства, та необычайная фискальность, которая пронизывает в это время всю жизнь римского государства. Наконец, это - закрепощение. Мы только остережемся сказать о всеобщем закрепощении, ибо были группы населения, о которых мы никоим образом не можем сказать, что они были закрепощены: они были закрепостителями, но не закрепощенными.

Что же представляет собой римское государство, это небывалое по своему развитию, по своей фискальности, по той необычайной тяжести, которой

оно ложилось на население, государство, сыгравшее такую крупную роль, по мнению большинства исследователей, в падении Римской Империи. Вы уже знаете, что такое принципат, какова его характеристика. Начну с того кризиса, который испытало это государство в III веке.

III век, особенно эпоха между 235 и 270 г.г. была эпохой действительно глубочайшего кризиса, переживавшегося Римской Империей. Идут восстания рабов, которые осложнялись военными восстаниями. Армия, в которой играли крупную роль рабы и мелкие землевладельцы, восстает, делается революционной силой, обрушивается на крупных землевладельцев, производит их пленение, конфискацию имущества, ставит во главе империи своих императоров. Особенностью революции III-го века было то, что здесь рабы и колоны выступают совместно, рабы и крестьяне выступают в качестве союзников. Эта революция рабов, первые проявления которой Вам известны в II-ем веке, находят нового союзника в виде крестьянина, ибо эти элементы теперь об"единяются. Это понятно, потому что в положении рабов и крестьян произошел ряд перемен, которые значительно сблизили эти два социальных слоя между собой. Кризис осложнен затем восстанием провинций. Отдельные провинции отрываются от Рима, организуют собственное правительство, убивают своих императоров. Эпоха между 260-270 г.г. носит название эпохи 30 тиранов. Столько было императоров в Римской Империи. Воспользовавшись этим внутренним кризисом империи, прорываются на ее территорию германцы. Уже в III-ем веке революция рабов в союзе с крестьянством поддерживается и переплетается с германским завоеванием. Уже в III-м веке на Рейнской границе поднимаются франки и алеманы, на Дунае-готы. Этот кризис закончился все же победой господствующих классов, восстановивших единство империи. Перед лицом общего врага - с одной стороны, поднявшихся низших классов, с другой стороны, под угрозой распада империи от ударов германцев господствующие классы об"единились. В III-ем веке появился еще новый враг у Римской Империи. В 226 г. создается на востоке Ново-персидское государство Сассанидов: вместо прежних слабых сил парфянского государства теперь приходится считаться с сильным врагом на востоке. Все это заставило класс крупных землевладельцев крепко сплотиться и организоваться для отпора. Господствующему классу Римской Империи удалось выйти победителем из этого первого крупного кризиса. Правление императора Авреллиана с 250 по 275 г. было временем подавления революции рабов и крестьян и восстановления единства империи. Оторвавшиеся от империи провинции были им воссоединены силой оружия, была покорена Галлия, восточная часть Сирии,

оторвавшаяся от империи. Аврелиан получил от господствующих классов римской империи почетный титул " восстановителя вселенной". Организационно эта победа господствующих классов Римской Империи была закреплена уже в царствование Диоклетиана, одного из преемников Аврелиана , который был императором с 285 по 305 г. Государственная диктатура господствующих классов получила в реформах Диоклетиана свое завершение. Ими был значительно изменен характер римского государства ,характер императорской власти. До того времени римские императоры сохраняли еще известные элементы прежнего республиканского строя, они носили республиканские титулы, одевались в тогу, делили до известной степени свою власть с сенатом, хотя сенат все больше и больше утрачивал свое значение в течение II и III столетий. Со времени Диоклетиана власть римского императора приобретает самодержавный характер, римский император становится подобием восточного деспота. Действительно, с востока, в частности из Персидского государства, была заимствована одежда царя и придворный церемониал. Император делается теперь земным богом. Император одевается в роскошные одежды, на голову возлагает корону, появляется своим подданным среди пышных церемоний. Вводятся в обычай земные поклоны, целование края одежды у императора, он получает теперь титул господина, dominus , а этот титул прилагался не только к земному, но и к небесному богу. Некоторые исследователи даже говорят о том, что прежний принципат заменился новой политической формой, именно- домината, неограниченной власти. Власть сената, хотя она была в последнее время империи скорее фикцией, теперь окончательно сходит на нет, вся власть сосредоточивается в руках императора и совета при императоре, причем этот совет составляется не из сенаторов, а из чиновников. Новая монархия носит ярко выраженный бюрократический характер. Начиная от высших чинов империи и кончая низшими органами, все они выстраиваются в чиновничью иерархию. Бюрократическая иерархия получила свое завершение при Константине, когда была установлена табель рангов, установлены иерархические разряды чиновничества. Все управление приобретает строго бюрократический характер. Изменяет свой характер и налоговая система. Одной из первых забот усилившейся власти императоров, опиравшейся на крупное рабовладельческое землевладение империи, было укрепление границ, затем усиление военных сил внутри страны с целью подавления волнений трудящихся классов. До этого времени, примерно до конца III-го столетия, огромная Римская Империя обходилась сравнительно незначительными военными силами, расположенными преиму-

щественно по границам. На всю империю было 200-300 тысяч постоянного войска. Значительная часть этого войска состояла из поселенных по границам солдат, которые, таким образом, являлись наследственными солдатами, получали там наделы, вели свое хозяйство. Среди них значительную роль играли чужестранцы, германцы. Целые германские племена садились по границам на положении союзников, федератов. Они получали наделы и за это должны были нести сторожевую службу. Кроме того, были так называемые "леты". Их положение было несколько более тяжелым. Федераты поступали на службу по своему желанию, леты-покоренные племена, которые вынуждены были уплачивать известные повинности и которых насильно втягивали в военную службу. Но, как оказалось впоследствии, это было ненадежное войско. Начиная с конца II-го столетия, военная сила Римской Империи, чрезвычайно не-большая до этого, была учетверена. Были приняты чрезвычайные меры к тому, чтобы увеличить военные силы путем вербовки, путем принудительной постановки рекрутов. Эта принудительная постановка была возложена на землевладельцев. Каждый из них должен был ставить определенное количество солдат, все равно, где бы он их ни взял, и давать, таким образом, силы для защиты империи. К прежнему способу пополнения солдат, найма германцев и набора добровольцев из числа римского населения теперь был добавлен еще своего рода натуральный налог людьми, который был наложен на крупных землевладельцев, которые должны были из числа своих рабов, колонов или вольноотпущенников поставлять рекрутов в армию. Затем мы видим, что кроме пограничных войск, которые получили новую организацию, Империя была разделена на особые округа, во главе которых были поставлены особые начальники, была создана особая маневренная армия внутри страны, которая могла быть переброшена в любое место. Эта армия имела определенное назначение- подавление восстаний внутри страны. Подавление революции в эпоху Адриана не было окончательным, с конца II века начинаются непрерывные восстания рабов и колонов, те восстания, которые обозначаются обычно под названием восстаний багаудов. Багауды, на кельтском языке-мятежники, вербовались из бежавших рабов и крестьян, создавали целые армии, ставили во главе своих выбранных императоров. Эта армия давала сражение императорской армии, правда, терпела ряд поражений, но затем она восстанавливалась снова. Восставшие производили нападения на города, на поместья крупных землевладельцев, облагали их контрибуцией и производили конфискацию их имущества.

Крупные землевладельцы бегут от них в укрепленные места. Поместье начинает укрепляться. Крупный землевладелец окружает свою виллу укреплениями. Она превращается в замок. У помещика заводятся свои вооруженные силы. Поскольку нельзя положиться на рабов и колонов, у землевладельца появляются постоянные наемные войска, которые находятся на жаловании, имеют определенное содержание и получают землю. Усадьба крупного землевладельца становится укрепленным замком для защиты от набегов германцев и от нашествия восставших крестьян и рабов. Сначала эти восстания происходят в Галлии, потом в Испании, вспыхивают в разных частях империи, иногда облекаясь в форму религиозных движений.

Создание сильной армии для защиты империи и крупных землевладельцев извне для подавления крестьянских восстаний внутри было одной из настоятельнейших и необходимейших задач, которые стояли перед господствующим классом Римской Империи, перед классом крупных земле и рабовладельцев, после частичного подавления революции. Огромная армия требовала соответствующего увеличения налогов.

Но мы уже видели, что к этому времени произошли значительные перемены, значительные перемещения в самом составе римского общества, особенно на западе, что количество свободного крестьянства значительно сократилось, города пришли в упадок. Революции III века тоже содействовали дальнейшему упадку промышленности и торговли муниципий. Муниципии приходили в упадок, население все таяло, крупные поместья все больше и больше втягивали в себя все социальные силы в стране. Казалось бы, что при таких условиях основной платящей единицей должно было быть именно крупное поместье. Но государство крупных землевладельцев с большой осторожностью подходило к обложению самих крупных землевладельцев и старалось переложить всю тяжесть налогов на другие классы. Главная тяжесть налогов падает как раз на те же группы населения, которые и без того уже находились в упадке, она обрушивается всей своей силой на города, на мелких и средних землевладельцев. Та же часть налогов, которая падала на крупных землевладельцев, перекладывалась последними на колонов и зависимое крестьянство.

Тяжесть налогов усугублялась тем моментом, который я отметил выше, переходом к натурально-хозяйственным отношениям. Ряд налогов уже в эпоху принципата имел натуральный характер, некоторые провинции должны были уплачивать налоги в виде натуральных поставок хлебом, мясом, маслом, вином и т.д. В эпоху Диоклетиана этот порядок делается уже господствующим. Он сам был показателем значительного возвращения к натурально-хозяйственной форме. Но это было вызва-

но еще и другой причиной- стремительным падением стоимости денег в Римской Империи. Падение стоимости денег было одним из показателей общего экономического кризиса, общего упадка промышленных и торговых отношений, но, с другой стороны, оно было связано и с фискальной политикой правительства . Правительство для того, чтобы получить большие суммы денег в свое распоряжение, бессовестно портило монету, уменьшало количество серебра в монетах. Денарий в эпоху Августа содержал в себе серебра на 43, примерно, копейки, а в эпоху Диоклетиана в нем было серебра всего, примерно, на одну копейку. Деньги стремительно обесценивались. Были попытки удержать это обесценение. При том же Диоклетиане была попытка установить известные твердые цены на все продукты/эдикт Диоклетиана о таксации цен/. Указ остался мертвой буквой, но для правительства стало все менее и менее выгодно получать налоги в денежной форме. Поэтому натуральные налоги делаются основой всей правительственной системы. В эпоху Диоклетиана вводится новая налоговая система/ в 297 году/. Реформа приняла характер распределения налогов одновременно и по земле, и по душам населения. Вся территория была разделена на главы, так называемые "капита". Глава представляла собой единицу земли, причем за основу брались не размеры земли, а размеры взимаемого натурального налога. Размеры главы варьировались, в зависимости от плодородности земли и характера земледельческой культуры. При определении глав принимался в расчет не только размер земли, не только характер культуры, но и количество рабочей силы, находившейся на этой земле. Таким образом, налог был наложен на население, связанное с данной землей, сидящее на этой земле. Уже этот принцип приводил к дальнейшему закреплению населения, сидящего на данной земле, к прикреплению его к этой земле для налоговых целей. Налог взимался почти исключительно натурой. Каждая урожайная единица должна была поставлять определенное количество хлеба, вина, мяса и других продуктов. Это было окончательный переход на систему натурального обложения. Армия получала все свое снабжение натурой. Были устроены огромные склады, в которых хранились эти натуральные подати, т.е. взимаемые с населения продукты. Эта финансовая система, это усиление налогового гнета и переход на натуральные повинности требовали огромного штата служащих, потому что взимание повинностей в натуре связано с особыми затруднениями, с проверкой количест-

за получаемых продуктов, с возможностью всякого рода утаек, недовесов и т.д. Необходим был огромный контрольный аппарат. Отсюда развитие бюрократизма, усиление полицейских органов надзора. Эпоха Диоклетиана и последующих императоров характерна необычайным ростом полицейского аппарата. Империя наводнена всякого рода полицейскими агентами, полицейскими сыщиками, правительственными шпионами, которые носили особое название" agentes in rebus" или" curiosi " любопытных, которые должны были вслушиваться, приглядываться, нет ли где нибудь назревающего революционного движения, заговора. Вся эта огромная армия чиновников, которая увенчивалась императорским советом, получала свое содержание тоже натурой. Каждый чиновник, в зависимости от занимаемого им ранга, получал определенное количество пайков, стол, содержание, квартиру, получал в зависимости от занимаемого ранга даже лошадей, рабов, рабынь и т.д. Часть выдавалась ему в виде подования, часть он должен был по окончании службы вернуть, а часть оставалась за ним навсегда.

Государство нередко требовало платы налогов и золотом, требовало сдачи драгоценностей и золотых вещей. Этим в еще большей степени стимулировался переход к натурально-хозяйственным формам. Золото, драгоценности начинают прятать, зарывать в землю, из области оборота они переходят в область хранения сокровищ, чистого накопления, при чем накопления непроизводительного. Но и в другом смысле уходит в землю. Иметь деньги в обороте делается все больше невыгодным в связи с растущими требованиями государства и в связи с порчей монеты. Благодаря этому золото начинает уходить из государства, монета обесценивается. Все более выгодным становится вкладывать денежный капитал в приобретение земли. Купцы и ростовщики еще и раньше считали весьма выгодным делаться крупными землевладельцами, приобретать землю и рабов и перейти в число представителей господствующего класса, но в эту эпоху этот процесс приобретает все более и более широкие формы.

Налоговая система тяжелым бременем ложится на все население, но особенно на те элементы, которые были вне поместий. Поместье до известной степени давало охраны людям, которые находились в его системе. Крупные землевладельцы, знать, сеньоры, особенно в провинции, часто могли себя чувствовать вполне независимыми от власти провинциальных чиновников. Крупный землевладелец является близким

лицом к императору, имеет большие связи при дворе, он настолько социально могущественен, что может не пустить к себе императорского чиновника. Поэтому сплошь и рядом плательщики налогов, свободные крестьяне и даже целые городские общины, целые деревни, чтобы избавиться от налогов, отдаются под защиту такого крупного магната, коммендируются ему, признают свою зависимость от него. Платежи государственных налогов все более и более уменьшаются, но тем тяжелее обрушиваются они на остатки свободных классов Римской Империи и окончательно подавляют их. Городское население все время уменьшается, разоряется в связи с упадком торговли и ремесел, все более и более хиреет в связи с упадком среднего землевладения, которое поглощается крупным. Но налоги, падающие на город, все растут. Какие же это дало результаты? С древних пор в городах на известные должности, которые носили почетный характер, назначались зажиточные элементы населения, куриалы или декуриалы. Это-верхушка городского населения, состоящая из средних землевладельцев. Крупные землевладельцы, как мы помним, не были подчинены городу, стояли вне города. В городах были известные группы купечества. Постепенно все эти элементы начинают слабеть, разоряться и наложенные на них обязанности по городскому управлению, которые раньше носили почетный характер, назначают тяготить их. Член городского управления, городского совета не получал жалованья, он должен был нести свои обязанности, как почетные обязанности. В первые века империи такого рода почетных должностей добивались, позднее они ложатся на куриалов тяжелым гнетом, особенно потому, что на последних была наложена обязанность отвечать за уплату налогов. Правительство определяло общую сумму налогов с города. Куриал отвечал собственным имуществом и даже собственным телом за уплату городом этой суммы налога. Понятно, почему эта обязанность становится тяжелым наказанием. В виде наказания то или иное лицо заставляют теперь вступить в это, прежде почетное сословие декуриалов. Они бегут из городов, скрываются в лесах, чтобы уклониться от это почетной должности. Наконец, государство прикрепляет декуриалов к государственному тяглу. Про декуриала начинают говорить, что он раб государства.

Уже при Диоклетиане и, особенно, при Константине издается ряд законов, в силу которых декуриал не имеет права покинуть свою должность. Если он уходит, его ловят и возвращают, даже если он переходит на более высокую должность. Должность куриала делается наследственной, и сын должен нести те обязанности, которые лежат на его отце. Здесь перед нами прикрепление к государственному тяглу даже этого высшего слоя городского населения. Тоже самое следует сказать и о других слоях городского населения, о купцах и ремеслен-

никах.

Работа промышленников и работа купцов, особенно купцов, занятых в транспортировании товаров, была нужна для целей государства, прежде всего для снабжения армии. Для снабжения армии нужны были кузнецы, оружейники, ткачи, изготовители всевозможных тканей; необходимы были для возведения государственных построек всевозможные строители, затем для транспортирования продовольственных налогов необходимы были карабельщики, владельцы судов. Все эти специалисты тоже должны были теперь работать на государство, работать в первую очередь на потребность армии, для каковой цели они постепенно закрепощались в том смысле, что лица, занимавшиеся этими специальностями, уже не могли их бросить, обязаны были заниматься, обязаны поставлять государству определенное количество произведенных ими продуктов. Затем и эти обязанности делались наследственными. Для отбывания государственных повинностей промышленники, ремесленники и торговцы организуются в так называемые коллегии. Такого рода коллегии существовали и раньше, они представляли собой свободные союзы ремесленников и торговцев в городах Римской Империи. Теперь они превращаются в принудительную организацию. Каждый ремесленник или торговец обязан войти в такую коллегию и коллегия несет круговую ответственность за выполнение возложенных на нее государством обязанностей. Правда, остаются еще некоторые свободные коллегии, но они все больше и больше уступают место этим организациям принудительного государственного характера. Мало того, создавались специальные государственные мастерские, к которым прикреплялись ремесленники соответствующих специальностей и которые должны были обслуживать не только армию, но и всю бюрократическую машину: чиновникам выдавались не только продовольственные пайки, но и одежда и утварь, все то, что нужно было для их употребления.

Это прикрепление захватывает все классы римского населения, кроме верхушки- сенаторского землевладения. Термин "сенатор" перестал теперь иметь какое либо отношение к сенату, к правящей корпорации в римском государстве. Слово "сенатор" стало почетным титулом, обозначением крупных привилегированных землевладельцев. Петрушевский и Макс Вебер указывают, что и сенаторы были прикреплены, что и они тоже представляли собой тяглое сословие, так как они должны были поставлять хлеб, отчасти армию, но такого рода повинности не представляли большой тяжести для сенаторского землевладения, подавалось от щедрот правящего класса, в их же собственных интересах, чтобы защищать самих же себя, чтобы поддерживать армию и порядок в столице. С другой стороны, от этих обязанно-

той сенаторы умели всячески и по возможности уклониться. Таким образом, говорить о закрепощении сенаторов в рамках всеобщего закрепощения населения Римской Империи никак невозможно. Мы имеем дело с государством ярко выраженной классовой характеристикой: все сословия в этом государстве были закрепощены, были обложены тягчайшими налогами, были задавлены этими налогами, но с совершенно определенными целями, целями поддержания сил и цельности римского рабовладельческого государства, римского крупного рабовладельческого землевладения. На борьбу с врагами этого строя устремлены были все силы государства. Но в этой борьбе с внешним и внутренним врагом до последней степени напрягались все платежные силы трудящегося населения империи, служившие все время усиливавшейся эксплоатации этого населения империи крупными землевладельцами.

Вот та картина, которую мы видим в последние века в Римской Империи. Мы можем охарактеризовать ее так: не прекращающееся революционное движение внутри страны, все усиливающийся напор извне, который требует от рабовладельческого государства все большего и большего напряжения всех платежных сил населения.

Риму приходится вести непрерывные войны на востоке с персидским государством Сассанидов с одной стороны и с другой на рейнской и дунайской границах со все более напирающими на империю германскими племенами. Одновременно с этим приходится бороться со все нарастающими революциями рабов в союзе с крестьянством, в союзе с колонами. Крайние усилия, которые приходилось при этом напрягать рабовладельческому римскому государству, создали тот гнет, который окончательно задавил последние остатки свободного римского населения, заставил свободное крестьянство уходить к помещикам, чтобы уйти от этого гнета, а с другой стороны, разрушил прежние муниципальные организации и все больше содействовал росту крупных поместий. Крупный помещик делается теперь центральной фигурой римского государства, крупное поместье делается центром притяжения для всех социальных сил империи, и это крупное поместье начинает, в конце концов, делаться силой, раздагающей единство империи. Мы видим, что в общем в Римской Империи начинается постепенный процесс ее раздробления, ее политического распада. И этот процесс политического распада, это образование огромных полунезависимых владений отдельных больших магнатов является одним из важнейших фактов этого периода.

Я уже говорил, что во время кризиса III столетия целый ряд провинций отделился от Рима. Объединение опять произошло при Аврелиане, но уже Диоклетиану пришлось пойти на известное раздробление империи.

Диоклетиан разделил империю на четыре части: область, включающую в себя Египет, затем Сирию, Малую Азию и Фракию; затем область Иллирии, которая включает в себя, кроме части Иллирии, также Македонию и Грецию; затем Италия, которая включала в себя, кроме самой Италии, также западную часть Балканского полуострова и области к северу от Италии, кроме того, сюда входила и часть северной Африки; наконец, четвертая часть, так называемая Галлия, - которая, кроме собственно Галлии, включала в себя также Испанию и Британию. Во главе каждой из этих частей был поставлен особый император. Эти императоры носили разные титулы- два Августа и два Цезаря и одним из Августов был сам Диоклетиан, который являлся старшим между ними.

- - - - - - О - - - - - -

БИБЛИОТЕКА Коммунистической академии

Л Е К Ц И Я V-ая.

Реформы Диоклетиана организационно закрепили победу над революцией и над внешними нападениями, которым подвергалась империя в III-ем веке. После Диоклетиана империя временно укрепляется, сохраняет до некоторой степени свое единство и успешно отражает внешних врагов. Но это улучшение положения империи было лишь временным и было куплено чрезвычайно дорогой ценой,- ценой крайнего усиления фискального гнета.

Империя была классовым органом крупного римского землевладения, причем в условиях кризиса рабского хозяйства, в тех критических условиях, в которых находилось в то время крупное римское землевладение, государственная власть принимает характер напряженной диктатуры, всеобщего закрепощения всех классов, кроме крупных землевладельцев. Некоторые историки, как мы указывали, склонны говорить о закрепощении даже крупных землевладельцев - сенаторских землевладений. Макс Вебер называет государство Диоклетиана и его преемников государством литургическим. Литургией назывались те повинности, которые несло крупное землевладение в пользу государства,- хлебные поставки. Но совершенно достаточно взглянуть на соотношение классов в Римской Империи, чтобы видеть, какая огромная разница была между литургией крупных землевладельцев, которые отдавали незначительную часть своих избытков, и литургией действительно закрепощенных, всех других сословий, закрепощенных или непосредственно крупными землевладельцами или государством тех же самых крупных землевладельцев. Эта система, назревшая и раньше, окончательно закрепляется после Диоклетиана именно приводит к постепенному разложению Римской Империи. Диоклетиану пришлось столкнуться с одной крупной силой, выросшей в римском государстве,- с христианством, которое выросло сначала, как религия низших оппозиционных классов, главным образом, городского населения, а затем изменило свой характер в 3-ем столетии. Те общие причины, которые вызвали ухудшение положения городского населения, толкали это население к христианской религии. Сама идеология христианства, с ее идеей царства не от мира сего, с пропроведуемой идеей удаления от мира, с верой в пришествие Мессии, которая должна была до известной степени вытеснить ожидание социальной революции,- эта религия начинает захватывать широкие круги прежде всего городского населения. Вместо прежней религии бедняков она делается религией зажиточного населения городов. Она начинает играть уже другую роль, именно роль новых идеологических цепей, которые сковы-

вают сознание трудящегося класса. Христианство с его кажущимся демократизмом, с обещанием царства небесного всем, независимо от социального положения, с прославлением нищеты, отвлекало от революции, обещая награду за земные страдания в будущей жизни и, наконец, обещая пришествие Мессии, заставляло ждать улучшения положения, которое должно было произойти без борьбы, само собой. Благодаря всему этому эта религия как нельзя более подходила к тем целям, которые ставил себе господствующий класс. Начиная с III-го века, эта религия распространяется все больше и больше в высших классах римского общества. Она приобретает новый характер, в нее включается ряд восточных мистических культов, она воспринимает в себя остатки греческой философии, которые в то время еще существовали в Римской Империи, в особенности в восточных ее частях. Это было преобразованием религии, приспособлением ее к понятиям и взглядам высшего класса. Таким образом, христианская религия делалась все более и более господствующей религией в Римском государстве. Но был один момент, который постоянно приводил к столкновениям между императором и христианством, момент отрицания христианством императора, как божества, отказ от участия в культе императора. Диоклетиан, стремясь подчинить себе христианскую церковь, стал к ней во враждебные отношения. Это были последние гонения на христианство, последняя попытка сломать это движение силой.

Преемники Диоклетиана поняли, какую огромную идеологическую силу, какое орудие может представить собой христианство. К тому же христианская церковь изменила в III веке и весь характер своей организации и управления. Из прежней демократической организации она все больше превращается в аристократическую. В ее состав входит много богатых людей, сама церковь приобретает значительное имущество, управление ее все больше аристократизируется. Епископы становятся теперь во главе отдельных христианских церквей, и власть этих епископов все больше возрастает. Богатая епископская, иерархически организованная церковь заменяет теперь прежнюю раздробленную организацию демократического характера. Преследования Диоклетиана связаны были со стремлением казны конфисковать имущество богатых христиан; это был способ пополнить казну, наряду с другими вымогательствами императорских чиновников, императорского фиска. Но политика императоров по отношению к христианству быстро изменилась в связи с силой влияния христианства и его чрезвычайной идеологической пригодностью для порабощения народных масс, для борьбы с революцией. В связи с этим союз с церковью стал очередной задачей императорской власти.

Диоклетиан в 305 году отрекся от престола, равным образом то же сделал и его товарищ на западе, Максимиан. Затем началась длительная борьба за римский престол между цезарями, которые стали потом августами. Эта длительная борьба закончилась победой Флавия Константина на западе и Лициния на востоке. В 313 г. между ними был заключен договор в городе Милане, по которому Константин получил запад, а Лициний восток. Этот договор интересен еще в том отношении, что во время этого договора был разрешен вопрос и о христианстве, а именно, христианство миланским эдиктом 313 года было об"явлено равноправным с другими религиями Римской Империи. Признанию христианства содействовало в значительной степени то, что христианство получило очень широкое распространение в войсках, значительная часть военной силы Римской Империи примкнула так или иначе к христианству, поэтому опереться на христианство в борьбе с революцией, сделать его союзником империи было одной из очередных задач империи.

Мир между Лицинием и Константином продолжался недолго. Уже вскоре после примирения между ними началась война, которая закончилась победой Константина. Константин стал единственным императором во всей Римской Империи. Единство империи, которое было прекращено при Диоклетиане, как бы опять восстановилось, но все-таки империя продолжала разделяться на 4 части, хотя во главе этих частей были поставлены не августы и не цезари, а так называемые префекты. Префекты получили широкие полномочия. При Константине мы видим дальнейшее усиление и укрепление императорской власти и в то же время усиление бюрократического элемента в управлении. Константин создает целую табель о рангах, сложную бюрократическую систему со всевозможными пышными титулами. Эта иерархическая лестница увенчивается императором, который, как и при Диоклетиане, считается земным богом. Константин не принял христианства, но относился к нему терпимо и сделал его одним из орудий своего управления. При преемниках Константина императоры уже официально принимают христианство, и оно делается господствующей религией. Другие религии империи начинают преследоваться. Константин всячески старался укрепить христианскую церковь, как орган своего управления. Между прочим, одной из его задач было создание единства церкви. Церковь, правда, не признавала императора богом, но она признавала его имеющим власть от бога, она воздавала ему не меньшие почести, чем те, которые воздавались императорам, когда они признавались богами. Таким образом, разница тут была чисто словесная. Поскольку церковь делалась орудием императорской власти, надо было добиться единства церковной власти. Церковь распадалась на целый ряд отдельных толков. В самой церкви создается ряд новых

оппозиционных течений, некоторые из которых принимают революционный характер. Например, ересь, которая распространялась в Африке и которая носила название ереси circumcellion'ов, т.е. в переводе-бродящих вокруг селений. Толпы таких африканских колонов ходили по деревням, вооруженные дубинами, грабили поместья, заступались за рабов. Источники рассказывают, что когда они встречали по дороге повозку богачей, они заставляли выходить из нее хозяина этой повозки, сажали туда его раба, а хозяина заставляли бежать рядом с повозкой. Таким образом, эта церковная ересь носила ярко выраженный социальный характер. Был целый ряд других ересей, которые отчасти выросли в более раннюю эпоху, а отчасти создались теперь. С некоторыми из них придется встретиться в дальнейшем. Константин принимал деятельное участие в борьбе с ересями и в создании единства церкви. В Никее был созван вселенский собор в 325 году, так называемый первый вселенский Никейский собор. Он установил символ христианской веры и осудил некоторые из тех ересей, которые в то время представляли опасность для церковного единства.

После смерти Константина началось новое столкновение между претендентами на императорскую власть. Я не буду касаться всей истории этой борьбы за престол, которая начиналась после смерти почти каждого императора. Здесь я только хотел бы отметить одну фигуру на императорском престоле, может быть не столь интересную по тому влиянию, которое она имела на развитие Римского государства, сколько просто очень красочную и своеобразную. Я имею в виду Юлиана Отступника, который был императором с 361г. по 363г., Юлиана Отступника, который столько раз был изображен в литературе нашего времени, например, у Ибсена и Мережковского. Юлиан Отступник попытался реставрировать язычество. Его план был заменить христианскую церковь греческой. Мы можем сказать, что языческой церкви, как таковой, никогда не существовало. Те религии, которые существовали в Римской Империи, не были об"единены в одну систему. Государственной религией был, собственно говоря, культ империи и императора. Что касается культов римских и греческих богов, то они были слиты с культами восточными, и в разных деревнях и провинциях империи существовали свои местные культы с местными особенностями. Юлиан сделал попытку об"единить все эти культы в одну религиозную систему и одну церковь, управляемую по образцу христианской церкви. Свою попытку своего рода языческой реформации он противопоставлял христианству, стараясь придать этой новой религии или новой церкви определенный философский облик, обно-

вить ею учение нео-платоников и связать в то же время ее с рядом восточных культов. Но это была попытка совершенно безнадежная, попытка, исходившая от самого Юлиана и окружающих его философов, которые в торжестве христианства видели торжество варварства и падение античной культуры. Эта попытка восстановления античности кончилась полнейшей неудачей. Особенно интересен сам Юлиан, блестящий полководец, талантливый человек, одержимый безнадежной идеей реставрации язычества и падающей античной культуры. Его попытка не нашла никакой поддержки, и он во время одного из своих походов на восток, начавшегося очень удачно, был убит во время сражения, причем был убит, вероятно, каким-нибудь из своих приближенных, христиан. С этого времени христианская религия делается официальной религией Римской Империи и одним из важнейших орудий государства в деле идеологического подавления трудящихся масс. Епископы приобретают огромное влияние в империи, как социальная сила. Они делаются владельцами огромных земельных поместий, равных поместьям крупнейших римских землевладельцев. У них имеется множество рабов и колонов. Епископы становятся во главе городского населения и получают звание дефенсоров, защитников городского населения, что давало им право управления городом. Это развитие епископской власти весьма существенно для истории раннего средневековья, когда епископы становились во главе городов, и получали обширные земельные владения, которые служили основой для их управления. Начиная с IУ века и дальше, начинают распространяться монастыри. Монастыри сначала были убежищем для людей, бежавших от всех земных тягот, которыми так богато было тогдашнее общество разлагающейся империи. Подобно тому, как рабы или куриалы скрывались в горах от чиновников, люди, которые не находили себе никакого утешения в реальной жизни, бежали из городов, стремились в уединение, в пустыню, строили себе кельи, основывали скиты, вокруг которых постепенно образовывались монастыри с общежитиями. Впоследствии эти монастыри начинают появляться и в населенных местах. Государство дает им значительные земельные владения, они делаются крупной социальной силой. Монахи перестают работать на себя, начинают эксплоатировать рабов и колонов. Монастыри делаются одним из важнейших факторов идеологического воздействия на массы, проповедуя нищету, простой образ жизни, общий труд. Они внушают народным массам представление о себе, как об учреждениях особо угодных богу и в то же время стоящих на почве народных требований и выражающих идеалы общества. Эти требования аскетической жизни, христианского подвига

чрезвычайно слабо проводились

в жизнь, но примеры отдельных фанатиков, жизнь отдельных, так называемых, святых, всякого рода святыни, мощи, иконы - все это должно было служить средством отвлечения трудящихся масс от борьбы. Так епископы и монастыри делаются одной из крупнейших социальных сил позднейшей империи. В 395 году Римская Империя окончательно распалась на две части, на восточную и западную, и больше не об"единялась. Но еще до того в историю Римской Империи входит новый фактор, а именно, в 70-х годах IУ столетия начался тот процесс, который мы обозначаем, как великое переселение народов, как завоевание Римской Империи германцами. В 70-х годах IУ столетия германское племя вестготов переходит через Дунай и поселяется на территории Римской Империи. Это уже начало распадения империи на германские или варварские государства, сложный процесс, который нам предстоит еще изучить. Что же представляли собою германцы? Вопрос очень существенный, так как имеется целый ряд исключающих друг друга теорий, спор между которыми в последнее время особенно обострился.

Прежде всего остановимся на области расселения древних германцев, затем на характеристике географической среды, в которой они жили, и наконец, я постараюсь дать вам анализ тех исторических сведений, которые у нас имеются относительно их социального и политического строя.

Мне уже пришлось указывать на то особое внимание, которое историческая наука уделила роли германцев в смене античного общества новым. Германцев рисовали с разных точек зрения. Если для гуманистов они были варварами, грубо опрокинувшими блестящую римскую античную цивилизацию, то впоследствии у немецких романтиков первой половины XIX века мы встречаем их идеализацию. Германцев романтики рисовали, как носителей свободы, как носителей новых начал, которые обновили Европу, положили начало новому ее развитию после падения сгнившего античного мира. Все эти представления исходили из одной общей идеи о том, что германцы являлись варварами, что они стояли на чрезвычайно низкой ступени общественного развития. Для гуманистов они были дикими разрушителями. Но уже Вико видел в них варварство нового, свежего, варварство, которое обновило упадочное варварство Римской Империи. Для немецких романтиков германцы были тоже варварами, но носителями новых идей, новых принципов, носителями нового германского духа, который должен был обновить Европу, и основой этого нового германского духа считалась прежде всего свобода. Такого рода представление о германцах, как варварах, находившихся на сравнительно низкой ступени общественного развития, стало колебаться в последнее время в немецкой науке. Целый ряд немецких исследователей

особенно археологов, подчеркивали, что германцы находились уже на высоком культурном уровне в то время, когда они пришли в соприкосновение с Римом.

Перехожу сначала к вопросу о географической среде, в которой жили германцы. Я уже указывал, что в данное время немецкая наука, как историческая, так и археологическая, имеет тенденцию выставлять древних германцев, как носителей сравнительно высокой культуры. Я уже говорил о том, что и старая гуманистическая наука и наука немецкого романтизма, которая в основном легла в основу либерально-буржуазной концепции, рисовала германцев, как варваров, как народ, находящийся на очень низкой ступени социального развития. Ею отмечалась, между прочим, своеобразная географическая среда, из которой вышли германцы.

Германия рисовалась на основании показаний и свидетельств римских писателей, как страна, покрытая сплошным густым лесом, как страна со множеством болот, с большими реками, загроможденными древесными стволами, затопляющими эту тайгу, среди которой жили лесные люди, германцы. Было много споров относительно хозяйства германцев, спорили о том, какую роль играли в их хозяйстве земледелие, скотоводство, в какой мере они были оседлы и в какой мере они были еще кочевыми племенами. Новые исследования германских археологов показали, что эти представления о ландшафте древней Германии являются сильно преувеличенными. Население исчислялось, примерно, количеством до 5 милл. жителей, хотя такого рода расчеты имеют, конечно, весьма гипотетический характер. Население в таком количестве среди лесов жить не могло, не могло быть там ни земледелия ни скотоводства, так как и то и другое требует больших открытых пространств. Новые археологические исследования показали, что хотя площадь лесов Германии была безусловно большой, больше, чем в современной Германии, все же леса не покрывали страну сплошь. Горы Германии и сейчас покрыты сплошными лесами. Об этих лесах, главным образом, и говорят римские писатели. Римского писателя, конечно, поражало обилие лесов, ландшафт, который так разнился от ландшафта южной части Европы. Но это был типичный северный европейский пейзаж. Равным образом и климат Германии казался римлянам крайне холодным и суровым, по сравнению с климатом берегов Средиземного моря. Поэтому изображение Германии, как дикой, лесистой и болотистой страны, надо понимать как контраст с изображением южной Европы, которая составляла

главную часть Римской Империи. В Германии было много открытых пространств, достаточно удобных для земледелия и скотоводства. Немецкие археологи стараются значительно подчеркнуть этот момент пригодности Германии для земледелия, для скотоводства, желая показать этим высокую культуру германцев. Разного рода находки, найденные на территории Германии, стараются односторонне истолковать, как показатель высокой материальной культуры. Несомненно, на основании прямых и безусловных доказательств можно утверждать, что германцы были уже давно знакомы с земледелием, не только с мотыжным, но и плуговым, однако факт знакомства с земледелием еще очень мало говорит о той роли, которую играло земледелие у германцев. Знакомство германцев с целым рядом хлебных злаков еще не говорит о том, в какой мере эти злаки возделывались германцами. Остатки плуга с колесами найдены в раскопках, хотя они вызывают много сомнений. Такой ли именно плуг был у германцев, не являются ли эти находки результатом позднейших времен- это неизвестно. Во всех этих вопросах наука лопаты, т.е. археология, оставляет очень много сомнений. Современный немецкий исследователь Допш говорит, что ранние сведения о германцах черпались из свидетельств римских писателей, а это еще недостаточный источник. Надо, думает он, отправляться от археологических данных, от данных языка. Но все эти данные настолько скудны, настолько шатки и допускают столько противоречивых толкований, что можно говорить лишь о косвенных сведениях и то преимущественно о материальной культуре германцев, тогда как для социального строя эти данные имеют чрезвычайно малое значение.

В результате, нам все -таки приходится обращаться к античным писателям для того, чтобы установить, каков же был политический и социальный строй германцев в ту эпоху, которую мы собираемся изучать.

Область расселения германцев в начале нашей эры лежала между Рейном, Дунаем и Вислой. Кроме того Германским расселением была охвачена также южная часть Скандинавского полуострова.

Что представляли собой германские племена? Этот вопрос очень резко поставлен в современной литературе. В следующем чтении я познакомлю вас с теми теориями, которые выдвигает современная фашистская литература по этому вопросу. Сейчас мы будем держаться области научной. Прежде всего, мы не должны представлять себе германцев как какую-нибудь особенную расу. Хотя римляне рисуют германцев, как людей с особыми расовыми признаками, например, Тацит говорит о высоком росте германцев, о их белокурых волосах, о их "свирепых" голубых глазах, но перед нами тут опять-таки контраст.

Отличие племен, которые жили к северу от Дуная, к западу от Рейна, от тех людей, которые жили на берегу Средиземного моря, действительно большое. Средиземноморская раса среднего роста, со смуглой кожей, с черным цветом волос и глаз, резко отличалась от того типа германцев, который описывает Тацит. На тех же германцев, которые больше походили по своим признакам к римлянам, очевидно, просто не обращали внимания, их не описывали. Если взять описание славян у греческих писателей, вы увидите то же самое - и огромный рост, и голубые глаза (правда, про свирепость их не говорится), те же русые или рыжие волосы. Словом, южные народы обращали внимание преимущественно на тех представителей этой северной расы, которые отличались своими внешними признаками от привычного для них типа, но это не значит, что все германцы были именно таковы, что здесь была какая-нибудь единая раса или раса хотя бы господствующая. На территории Германии было смешение самых разнообразных народов, племен и рас, которые были об"единены другими признаками, главным образом, языковым, тем, что они говорили на языках, родственных друг другу. Но опять -таки, момент языка является признаком очень шатким. Сплошь и рядом племена теряют свой язык. Покоренные усваивают язык победителей. Отдельные случаи преобладания того или другого языка еще ничего не говорят о преобладании расы, о преобладании того или другого племени германцев или славян. В эпоху великого переселения народов эта граница между германцами и славянами чрезвычайно неопределенна, постоянно стягивается то в одну, то в другую сторону - и в результате расселения, и в результате завоеваний, и в результате простого распространения того или другого языка на те или другие племена и роды. Словом, здесь какие-нибудь твердые расовые признаки, а в эту эпоху даже и языковые признаки установить трудно, и те племена, которых Тацит называет германскими, тоже вряд ли все были германцами. Описание Тацита охватывает не только племена, говорившие на германских наречиях, но и повидимому, ряд племен славянских, а может быть также и литовских и финских. Римлянам пришлось столкнуться с германцами еще в конце II века христианской эры. Это-нашествие кимвров и тевтонов, которые были побеждены Марием. Но вопрос спорный, было ли в действительности это нашествие, не слит ли здесь целый ряд отдельных набегов в одно общее, крупное продвижение германских племен, и в какой мере племена, с которыми римлянам приходилось сталкиваться, были германскими племенами. Поэтому начинать историю столкновений римлян с германцами с нашествия тевтонов и кимвров рискованно. Первая встреча римлян с германцами относится к 50-м годам первого

века дохристианской эры. Это-столкновение Цезаря, воевавшего в Галлии, с германцами, которые перешли через Рейн и в свою очередь стали захватывать Галлию, приглашенные одним из галльских племен, которые враждовали между собой. Германцы пришли с незначительными отрядами, а потом стали переселяться на территорию Галлии целыми племенами. Среди них надо назвать племя свевов, наиболее многочисленное из поселившихся в Галлии племен. Во главе союза племен, поселившихся на территории Галлии, стоял король Ариовист. Цезарь прогнал его за Рейн и сам перешел через Рейн. Таким образом, у Цезаря была возможность ознакомиться с общественным строем Германии. В своих записках о Галльской войне он оставил описание общественного строя германцев. Правда, это описание чрезвычайно краткое, в нем очень многое приходится читать между строками, восстанавливать то, чего Цезарь не сказал, и догадываться о том, что он хотел сказать. Поэтому вокруг истолкования записок Цезаря существует большая литература. Основной вопрос заключается в том, на какой стадии общественного развития стояли в то время германцы, существовали ли у них классы, существовала ли у них в то время частная собственность, существовали ли какие-нибудь различия в отношении собственности между отдельными группами населения, можем ли мы говорить о государстве у германцев.

У Цезаря говорится, что у них нет частного и отдельного поля (agri separati ac privati apud eos nihil est), что у них нет отдельной земли определенных размеров, что отдельные родовые об"единения обрабатывают землю совместно, а потом, как он говорит, старейшины заставляют их переходить на другое место.

Все эти данные, как-будто, рисуют нам общество, в котором, во всяком случае, нет частной собственности на землю. Говорится об этом чрезвычайно ясно. Затем, здесь единицами, которым принадлежит земля или которые занимают землю и обрабатывают ее, являются даже не отдельные семьи, а целые родовые об"единения. Целым родом земля занимается, целым родом земля обрабатывается. Не видно, чтобы занятая родом земля как-нибудь распределялась между отдельными индивидуальными семьями. Другими словами, мы имеем дело с весьма отчетливым изображением родовой общины.

Замечание Цезаря, что старейшины заставляют род менять место обработки земли, свидетельствует об определенном уровне земледелия, на котором тогда находились германцы, о господстве либо переложной, либо подсечной системы. Тот или иной участок

земли брался под обработку, с него снималось несколько урожаев, пока земля не истощалась, затем он забрасывался на долгое время, а обработка переносилась на другое место, которое до того времени лежало необработанным, и только по истечении сравнительно долгого промежутка времени возвращались опять на заброшенную землю. Определенный участок в лесу либо выжигался, либо вырубался, и на этом пространстве велось земледелие. Опять-таки снималась несколько раз жатва, затем он забрасывался на некоторое время. При такого рода экстенсивной обработке земли постоянное перенесение с места на место этой обработки является неизбежным. Правда, Цезарь сам дает целый ряд об"яснений, почему германцы поступают таким образом, но об"яснения эти носят определенно надуманный характер. Сами германцы, по словам Цезаря, об"ясняют это тем, что переход к оседлости вызвал бы у них ослабление воинственности, что развитие частной собственности вызвало бы страсть к деньгам и притеснение богатыми бедных, а при таком строе, когда всякий видит, что даже самые знатные люди находятся в одинаковом положении со всеми, нет возможности развиться, как мы бы сказали, классовой ненависти и облегчается, таким образом, управление простым народом. Но эти об"яснения слишком явно надуманы и нет сомнения, что они исходят от самого Цезаря, который черпал все эти представления из римской действительности. То была эпоха, когда Цезарь еще заигрывал с демократией, когда он стремился быть популярным и восхвалял архидемократический строй древних германцев, не знающих ни частной собственности, ни классов, ни денег. Правда, Цезарь упоминал о каких-то старшинах, principes, у германцев, но имеем ли мы здесь налицо известные элементы классообразования, образования государства? У нас нет сведений о том, что у германцев в эпоху Цезаря имелись какие-нибудь классы. Если они и были, то существовали в зародыше. Самый порядок родовой общины, которую рисует Цезарь, не давал возможности развиться частной собственности на землю и образоваться вследствие этого сколько-нибудь значительному имущественному неравенству. С другой стороны, отсутствие классов заставляет предполагать и отсутствие государства. Действительно, хотя у германцев был король Ариовист, но мы можем думать, что такого рода короли выбирались лишь на время военных действий/на это имеется указание у Цезаря/, власть их не распространялась на мирное время. В мирное время власть родового старшины была единственной властью, которую знали в то время германцы. Мы должны признать, что все эти заключения в значительной степени исходят от молчания, что они часто являются косвенными заключениями из того материала, который дает Цезарь. Скоро у германцев начнется классооб-

разования. Было обстоятельство, которое могло содействовать этому классообразованию. Земледелие, которое велось общинным порядком, не являлось главным занятием германцев. Цезарь отмечает, что главным занятием были скотоводство и охота. Мы ничего не знаем о тех способах разведения скота, которые были приняты у германцев. У германцев могли образовываться более или менее крупные или мелкие владельцы стад, они могли в этом направлении итти дальше, но так или иначе они пока все же не владели землей, а потому четкого разделения на классы у германцев мы не имеем. Но начало классовой дифференциации, зарождение классов могло уже иметь место. Возможно также, что родовая община у германцев во время Цезаря находилась уже накануне разложения. Дав такое толкование свидетельствам Цезаря, мы должны знать, что понимание Цезаря вызывает в наше время возражения. Допш, например, высказывает мнение, которое было за ним повторено целым рядом других исследователей, что Цезарь встретил германцев в несколько необычных условиях, что он имел дело не со всеми германцами, а главным образом, со свевами, которых он встретил в состоянии военного переселения. Они говорили, что много лет не видели над собой крыши.

Нельзя, думает далее Допш, по общественному строю их во время войны судить о том, каков был их строй в мирное время. Эту идею развил затем Петрушевский, который, следуя за Допшем, полагает, что все об"яснения германских переселений у Цезаря в действительности отражают политику германских старейшин, которые искусственно поддерживали у переселяющихся племен определенный общественный строй, который он характеризует именно, как "военный коммунизм". Допш, правда, употребляет более осторожное слово - "военный социализм", имея в виду некоторые явления империалистической войны. В это время, как известно, ряд предприятий был взят под государственный контроль. Конечно, только самый наивный буржуа может назвать это военным социализмом, и нет сомнения, что на Допша воздействовали впечатления войны 1914 -18 г.г., когда он говорил о военном социализме у германцев, которые будто бы искусственно перешли к общинному владению землей лишь на военное время. Но даже если допустить, что таков был строй германцев во время переселения, можно ли отсюда сделать прямой вывод, что, следовательно, в мирное время у германцев была частная собственность? Для такого вывода еще нет оснований, и сторонникам искомой частной собственности у германцев, к которым принадлежит также и Допш, приходится выставлять другие, в общем, довольно слабые аргументы. Общинное владение, по их мнению, является теоретическим построением романтической фантазии, которую придумали исследователи в XIX веке под влиянием идей социализма;

на самом же деле, утверждают они, общинный строй противоречит исконно германским началам. Тут опять-таки идет наивная аргументация из "духа" германцев, которые будто бы отличались крайним свободолюбием и индивидуализмом. Могли ли германцы, эти индивидуалисты, эти исполненные начал свободы люди подчиниться обязательному распорядку общины? Аргумент, как видим, настолько слабый, что вряд ли его стоит серьезно разбирать, тем более, что у нас есть на этот счет определенные свидетельства Цезаря. Цезарь описал строй, который, очевидно, поразил его своим несходством с римским, с римской частной собственностью, и он об"яснил этот общественный строй, поскольку он слишком резко отличается от того, что было в Риме. Для суждения относительно общинного строя и вообще относительно общественного строя, о котором у нас мало данных, мы имеем ряд методов, которыми наука пользуется в широком масштабе, прежде всего метод сравнительно-исторический, который заключается в том, что мы сравниваем данный общественный строй с общественным строем народов, находящихся на такой же стадии развития, о которых у нас имеется больше сведений. Родовая община, как ранняя стадия развития, характерна для ряда известных нам обществ, и если бы и не было прямого свидетельства Цезаря, мы все равно должны были бы предположить ее существование. Другой метод - метод ретроспективный, метод обращения назад. Во всех областях расселения германцев имеются многочисленные пережитки общинного строя. Еще в XIX столетии исследователи находили эти пережитки в целом ряде тех мест Германии, где история засвидетельствовала расселение германцев. Правда, оба эти метода за последнее время были опорочены. Ряд буржуазных исследователей высказывался против применения сравнительного исторического метода, указывая на то, что этот метод во многих отношениях является опасным, потому что тогда надо сделать предположение, что то общество, которое мы изучаем, находится на той же стадии развития, как и то общество, с которым мы сравниваем. Между тем, это можно доказать лишь путем тщательного сравнения. Мы же устанавливаем сходство лишь по незначительному количеству сравнительных признаков. С другой стороны, мы встречаем аргументы против метода ретроспективного заключения из позднейших фактов. Сторонники исконности индивидуального землевладения у германцев говорят, например, что община - действительно старое явление, но все же более позднее, чем эпоха Цезаря. Община появляется в средние века, она появляется, как результат закрепощения, образование общины есть результат круговой поруки, которая возникает в несвободных деревнях под влиянием организующей власти помещиков. То, что мы находим в IX - XI веках, есть пережиток более новой общины, крепостной общины, а не исконной

старинной общины древних германцев.

На все эти аргументы можно найти соответствующие ответы. Конечно, сравнительно-исторический метод является методом, которым надо пользоваться с величайшей осторожностью. Мы знаем примеры, когда пользование сравнительно-историческим методом приводит к опасным выводам. Например, в своей книге " Всеобщая история хозяйства " Кунов, неумеренно пользуясь сравнительно-историческим методом, сравнивает совершенно непохожие друг на друга общины и делает вывод о полной аналогии в их развитии. Он сравнивает, скажем, тех же самых древних германцев с инками, с ацтеками, по сходству терминов он делает вывод о сходстве общественного строя, и получается нечто совершенно исторически необоснованное.

Но то обстоятельство, что каждым методом можно пользоваться неправильно, не является аргументом против его осторожного использования. Мы пользуемся им, исходя из определенных высказываний Цезаря. Что касается ретроспективного метода, то можно указать на то, что в Европе сохранились не только крепостные, но и свободные общины; мы имеем ряд деревень, которые не были закрепощены и в которых как раз продолжали существовать порядки, несмотря на отсутствие какого бы то ни было элемента принуждения. Наконец, вы увидите в дальнейшем, что община в средних веках носит на себе целый ряд совершенно определенных признаков своего происхождения от свободной общины. Таким образом, тот вывод, который мы делаем из Цезаря путем привлечения данных сравнительно-исторических и заключений от более поздних фактов к более ранним, все же заставляет нас принять, как наиболее вероятную гипотезу, поскольку здесь невозможны совершенно точно и непредложно установленные факты, теорию родовой общины.

- - - - 0 - - - -

ЛЕКЦИЯ VI.

Политические об"единения, которые мы встречаем у германцев, это, в сущности говоря, об"единения отдельных племен для военных целей. Власть короля у германцев в эпоху Цезаря выборная, и лишь на военное время. Но нельзя на основе этого отрицать полностью наличие классообразования у германцев. Возможно, что оно уже началось, но не отразилось сколько-нибудь ясно у Цезаря. В следующие за эпохой Цезаря десятилетия такое расслоение становилось явным: начинает выделяться родовая знать.

Следующее большое описание германцев, которое дошло до нас от античного мира, - это "Германия" Тацита/ 98г. нашей эры/, написанная примерно, полтораста лет спустя после Цезаря. У Тацита мы видим уже иной общественный строй. То продвижение германцев на запад, которое началось еще в эпоху Цезаря, было остановлено римлянами, в частности, завоеваниями Цезаря. Римляне переходят в наступление на германцев. Это наступление было неудачным. Вы помните истребление легионов Вара в Тевтобургском лесу в 9-м году нашей эры. Несмотря на ряд побед, которые римским полководцам удалось все же одержать над германцами, завоевание этой отдаленной страны, с крайне неудобными для римской военной тактики природными условиями, с огромными границами, в общем, не было осуществлено. Римляне лишь постепенно продвигаются в своей колонизации между верховьями Рейна и Дуная. Они переходят к системе обороны границ. В эту эпоху, в течение первого века у германцев происходят значительные перемены. Укрепление римской границы остановило их продвижение на запад. Ряд германских племен, особенно те, которые были ближе к римской границе, переходят к более оседлому образу жизни, чем во время Цезаря. В эпоху Тацита, при сохранении значительной роли скотоводства, земледелию уже играет большую роль. С этим связаны значительные перемены в общественном строе германцев, прежде всего, изменения в характере занятия земли, а также в строе родовой общины. С переходом к более интенсивному земледелию германцы перестают обрабатывать землю целыми родами. Происходит раздел этой земли между отдельными семьями. Тацит говорит, что германцы разделяют землю сообразно числу работающих, что они делят между собой всю занятую землю. Если и не возникает частной собственности на землю, то возникает уже индивидуальное пользование землей отдельными семьями. Это индивидуальное пользование дает начало классовой дифференциации. Отдельные семьи не равны между собой по социальному весу. Раздел земли происходит сообразно принципу secundum dignationem. Этот раздел дает некоторым семьям больше земли, чем другим, т. е. начинается дифференциация в пользовании землей. Некоторые семьи занимают

...ствующее положение, они отличаются большим количеством земли и большим количеством скота, а также большим количеством рабов. Мы не знаем, были ли рабы у германцев в эпоху Цезаря; возможно, что и были из числа военнопленных, но они не играли значительной роли. Теперь, во время Тацита определенно упоминаются рабы. Он говорит о их положении в германском обществе. Тацит отмечает, что германцы пользовались рабами не так, как римляне. Германские рабы сажались на землю, у каждого германского раба было свое хозяйство, с которого он платил господину только известный оброк хлебом, скотом, одеждой и т.д.

Таким образом, положение германских рабов скорее напоминало положение римских крепостных колонов, чем римских рабов. Тацит говорит, что эти рабы брались из числа военнопленных; иногда попадали в рабство и германцы, но это были больше всего те, которые проигрывали в кости свою свободу. Таких рабов германцы, впрочем, у себя не держали, а продавали их другим племенам. Итак, раб у германцев сидит на земле, связан так или иначе с землей и уплачивает известный оброк. От такого типа рабства, конечно, прямая линия ведет к феодальным отношениям.

Таким образом, в германском обществе происходят уже известные зачатки классового расслоения, некоторые семьи возвышаются над другими, имеются уже известные элементы эксплоатации. Но, насколько можно судить по Тациту, германское общество в основном все же находится еще на доклассовой ступени развития. Мы можем говорить лишь о начале процесса классообразования; основная масса германцев все еще связана родовыми связями, состоит в родовых общинах. Большинство германцев-свободные крестьяне-воины, которые не эксплоатируются никем и сами еще никого не эксплоатируют, живут своим трудом. Тацит отмечает, правда, что германцы мало любят заниматься хозяйством, что у них труд лежит на старичках и женщинах, что германцы ведут ленивый образ жизни, что германец предпочитает войну, предпочитает охоту и вообще считает позорным добывать потом то, что можно добыть кровью. Но можно усомниться, чтобы это относилось ко всем германцам, это скорее относится к выделяющейся уже аристократии.

Мы замечаем известные сдвиги и в политическом строе германцев в это время. Государственный строй у них начинает зарождаться вместе с началом классообразования. Но это опять-таки только зародыши, которые мы еще не можем назвать государством. Тацит отмечает наличие у них слоя аристократии, "принципес", как он ее называет. Эти "принципес" еще тесно связаны с прежними родовыми организациями, это родовые старейшины, но это не выборные старейшины в роде, который состоит из равных, это скорее старейшины наследственные.

образуются аристократические семьи, которые в своих руках держат звание родового старейшины, это звание становится наследственным и оно связывается с богатством, со знатностью. Надо отметить, правда, что родовые связи играют всегда крупнейшую роль в эпоху Тацита. Он отмечает, что члены рода становились вместе во время сражения, даже сохранились такие пережитки матриархата, когда, например, существовала особо тесная связь между племянником и дядей с материнской стороны, затем своеобразный культ женщины, уважение к женщине, взгляд на женщину, как на своего рода вещее существо, жрицу, предсказательницу. Упоминается об одном племени, во главе которого стоит женщина. Это указывает на живучесть родового строя у германцев. Родовая аристократия у германцев занимает ведущее социальное положение не только в силу своего положения в роде, но и в силу своего экономического положения, благодаря большим земельным владениям, благодаря большому количеству скота и рабов. Германская аристократия окружает себя дружиной. Это-характерное явление, на которое Тацит обращает особое внимание. Уже Цезарь говорит о том, что всякий желающий повоевать может кликнуть клич, и к нему соберутся лица, желающие принять участие в набеге. Дружины, связанные определенным обязательством верности своему вождю, возникали и распадались, в зависимости от того или иного отдельного предприятия. При Таците дружина превращается в постоянное учреждение. Молодежь знатного происхождения идет нередко в дружину к другим знатным лицам. Эти дружины находятся на иждивении своего вождя, они живут при нем, получают стол и оружие, вождь делится с ними своей добычей, устраивает постоянные игры, предпринимает военные набеги, захваченная добыча увеличивает его социальный вес и его влияние. То обстоятельство, что у германцев выделилась знать, хотя еще основная масса германцев находится в состоянии доклассового общества, ведет за собой ряд важных последствий. Цезарь упоминает о том, что во время важных мероприятий, перед принятием того или иного решения германцы устраивали собрание всего племени для решения вопроса о начале войны, о заключении мира, о важных переговорах с другими племенами или с Римом.

Народные собрания продолжают существовать и в эпоху Тацита. Но в народном собрании уже начинает играть крупнейшую роль родовая аристократия. Прежде всего, всякого рода дела второстепенного политического значения, не требовавшие созыва народного собрания, разрешались только советом старейшин. Эти старейшины, эти "принципес", таким образом, делаются уже постоянным правительственным органом племени. С другой стороны, в самом народном собрании на рассмотрение всех свободных вои-

нов племени, которые являлись в народное собрание вооруженными, те или другие вопросы ставились именно этими " принципес". Масса собравшихся только голосует; стуча оружием, она выражает согласие на предложение, которое ей делается, а поднимая шум, выражает несогласие. Народные собрания, таким образом, уже находятся под значительным влиянием "принципес".

У ряда германских племен возникает уже и королевская власть, причем не только выборная на военное время. Тацит очень определенно подчеркивает отличие этой королевской власти от власти тех королей или вождей, которые избирались на время войны. Он указывает, что на время войны избирались эти вожди - "duces " по своим доблестям, по своим военным качествам, что же касается королей, то они избирались по знатности. Из среды знати выбираются постоянные короли в том или ином племени, они являются естественными предводителями знати.

Вот с такими характерными чертами выступает перед нами общественный строй германцев тацитовской эпохи. Зародыши политической организации начинают возникать вместе с зародышами классового расслоения, но в то время этот процесс происходит только в самом начале. Разложение родового строя выделяет некоторые элементы феодализма. Один из этих элементов-положение рабов у германцев. Положение посаженного на землю раба напоминает больше феодальную эксплоатацию, чем рабовладельческую. Другим таким элементом является дружина, которая развивается в такое явление развитого феодализма, как вассалитет, особой связью верности соединяется дружина со своим господином, как впоследствии вассал с сеньором. В отношении службы сеньору, в отношении верности ему мы видим известные зародыши уже в это время, они выступают в тацитовской дружине, правда, в элементарной, простой форме.

Такого рода оценку эпохи Тацита разделяют далеко не все ученые. Допш в своем труде, посвященном "Экономическим началам развития европейской культуры", старается внушить читателю высокое представление о культуре германцев. Он хочет показать, что германцы не отличались существенно от римлян. Здесь мы вступаем как раз в сферу тех споров о роли римских и германских начал в деле создания современной Западной Европы, которые уходят далеко назад. Уже в XVIII веке мы видим сторонников того и другого учения, например, среди французских исследователей графа Буленвилье, который был сторонником германистической теории и выставлял теорию, по которой именно из германского начала развивается современное общество, сначала средневековое, затем новое. Другой французский исследователь Дюбо, наоборот, подчеркивал влияние

римского начала, указывал, что уже в поздней Римской Империи сложились начала дальнейшего социального и политического развития Европы средних веков и нового времени.

" Романисты " и "германисты " продолжают спорить между собой и в течение всего XIX века. Германистическая теория была, можно сказать, господствующей в западно-европейской буржуазной науке вплоть до конца первого десятилетия XX века. Большинство западно-европейских ученых стояло на точке зрения, что именно из германских учреждений, которые мы видим у Цезаря и Тацита, в дальнейшем развиваются феодальные учреждения средневековой Западной Европы. С этой теорией был немало связан патриотический элемент, так как эта теория развивалась главным образом германскими учеными, хотя мы видим ее сторонников и среди французских ученых, как Гизо и Глассон. Германцы оздоровили падающую Римскую Империю, германцы внесли сюда те новые начала, которые описаны Цезарем и Тацитом, причем эти начала считались прирожденными свойствами германского национального духа. Они обновили Европу и положил начало новому развитию. Конечно, в такого рода резко-националистической форме эта теория либерально-буржуазной наукой высказывалась редко, обычно указывались другие элементы-не только влияние германского национального духа, но и той общественной стадии, на которой находились германцы. При этом особенно подчеркивалось варварство германцев, то обстоятельство, что германцы находились еще на сравнительно низкой ступени общественного развития. Романистическая теория наиболее ярко сформулирована в трудах Фюстель-де-Куланжа. Он стоял вне всякой школы, и его последователи отрицают, что он был романистом, однако это наиболее яркий из всех романистов. Он говорит, что все элементы феодализма сложились в поздней Римской Империи, правда, окончательно развились они значительно позже, в новой политической обстановке. Феодальное поместье, которое потом играет определяющую роль, сложилось по мнению Фюстель-де-Куланжа в Римской Империи и перешло в эпоху средневековья.

Что же принесли с собой германцы? По его мнению, очень мало. Они представляли собою разрозненные племена, скорее шайки разбойников, которые были достаточно сильны для того, чтобы разрушить Римскую Империю, но не могли создать ничего своего и подчинились тем началам, которые существовали в империи.

С этими германистической и романистической теориями связываются различные точки зрения на отправной пункт средневекового развития. Германисти-

чальная теория клала в основу общественного развития средневековья прежде всего германскую свободу и затем общину. Свободная община-вот отправной пункт в развитии средневековья. Что касается теории романистов, то здесь клалась в основу Римская Империя, римское правление, а оно характеризуется прежде всего наличием частной собственности. Куланж резко подчеркивает, что никакой общинности не знало раннее средневековье, что весь порядок, особенности которого мы видим там, есть порядок частной собственности. Далее, если германистическая теория говорит об общине, о более или менее равных правах членов этой общины, то романистическая теория подчеркивает наличие крупного землевладения в позднюю Римскую Империю. Частное крупное землевладение, свобода эксплоатации, подчинение класса земледельцев — классу землевладельцев, наконец, форма политической деспотии, которые господствовали в Римской Империи, - вот начало европейского развития с точки зрения романистической теории. Правда, она идеализирует все эти события и старается показать, что политический строй Рима был благодеянием для покоренных им народов, что провинции процветали под управлением Рима. Но все это лишь подчеркивает социально-реакционный характер этой теории. Эта теория хочет установить исконность частной собственности, исконность крупного землевладения, исконность подчинения трудящихся классов, наконец, исконность монархии, политической деспотии в истории Западной Европы. Эта теория возникла в атмосфере национализма. Фюстель-де-Куланж был долгое время профессором в Страсбурге, который являлся аванпостом французской культуры в Эльзасе. Франко-прусская война, отнявшая Страсбург у Франции, затем впечатления Парижской Коммуны глубоко повлияли на Фюстель-де-Куланжа. Страстное отрицание общины Фюстель-де-Куланжем, а он отрицает ее существование не только в раннем средневековьи, но и у германцев, теснейшим образом связано с той антипатией, которую вызвала Парижская Коммуна у французского буржуа к идеям коммунизма.

Германистическая теория была теорией либеральной буржуазии, которая еще не боялась таких слов, как свобода, община. Но чем дальше шло время, тем эти слова делались страшнее или, по крайней мере, несимпатичнее. И хотя германистическая теория еще продолжает господствовать в буржуазной науке XX века, новые исследователи все больше начинают отмечать прежде всего то, что между римской эпохой и эпохой средневековья не было никакой катастрофы, не было полного общественного переворота или смещения общественных отношений. С другой стороны, мы видим у них еще другой момент- это возвращение опять к реакционно-романистической точке зрения на исходные пункты европейского развития. В теории Допша все

и моменты получили чрезвычайно яркое выражение. Допш старается по возможности приблизить общественный строй германцев к строю поздне- Римской Империи. Он хочет показать, что германцы стояли на высокой ступени культуры и что их общественный строй не отличался коренным образом от римского. В этом сыграли немалую роль и впечатления мировой войны, когда германцев старались представить в виде варваров, разрушителей культуры. При этом как раз нередко делались ссылки на древних германцев, разрушивших античную культуру. Допш своим трудом как бы отвечает на подобного рода обвинения. В основе германской культуры было в сущности то же самое, что и в основе римской культуры. Идя по следам германских археологов, Допш отмечает высокую ступень материальной культуры германцев. Он отрицает наличие общины, ссылаясь на индивидуализм древних германцев. Этот индивидуализм характерен для германцев, как одна из исконных национальных черт немецкого духа. Затем он отмечает господство частной собственности, которая предшествовала общине. Теория сельской общины, говорит Допш, принесена в историю социал-демократической идеологией, другими словами, марксистской идеологией. Он полагает, что частная собственность предшествует собственности общинной. Эта идея не его. Знаменитый английский юрист и историк Метланд выразил эту идею в своеобразной форме. Описывая сложные правила общинного землевладения и сравнивая их с чрезвычайно простыми отношениями частной собственности, он говорит, что предполагать,

> что община предшествовала частной собственности, все равно, что предполагать, что дифференциальное исчисление предшествовало арифметике. Это доказательство мало убедительно, хотя ему нельзя отказать в остроумии. Крупная частная собственность у германцев была и по мнению Допша. Описывая социальное расслоение у германцев, он говорит о наличии у германцев феодального поместья, о наличии феодальной зависимости. Преувеличивая значение рабства у германцев, он рисует целую массу рабов, сидящих в феодальных поместьях. Но у нас нет основания думать, что число их было очень велико, что они могли населять целые поместья.

Однако, Допш принужден признать, что известные элементы общинного строя все же у германцев были, именно общинное владение лесами и пустошами. Но это не противоречило, по его мнению, принципу индивидуальной собственности, и он указывает, что и римлянам не было чуждо общее владение лесами, водами, пустошами, что эти элементы общинного строя нисколько не отличают римлян от германцев.

Зачем же нужно было Допшу подчеркивать это сходство между германским и римским общественным строем? Ему это нужно было для того, чтобы показать, что переход от античности к средним векам не имел революционного характера, не имел характера катастрофы или переворота, и это всего лучше достигается доказательством того, что римляне и германцы стояли на одинаковой ступени развития. Кроме того, он отмечает, что германцы находились под значительным влиянием римлян. Одновременно с этим он

отмечает и влияние германцев на римлян. Если происходит постоянная романизация германцев, то одновременно происходит германизация римлян. Он отмечает, что по свидетельству римских писателей IУ столетия не было почти ни одной римской семьи, где не было бы раба из числа германцев. Рабы, ремесленники, колоны, по его мнению, вербовались из числа германцев, и, таким образом, трудовое население Римской Империи все больше и больше германизировалось. С другой стороны, германцы путем проникновения в толщу римского населения усваивали себе римскую технику, материальную культуру, ремесла, земледельческую технику. Германцы проникали в войска, в администрацию. Таким образом, падение Римской Империи сводится лишь к перемене власти, к новому изменению политических границ, к тому, что прежняя Римская Империя, разделявшаяся на диоцезы и провинции, теперь начинает делиться на германские королевства. Что касается социальных перемен, то их не было совсем. Германцы пришли в Римскую Империю, как знатоки и ценители римской культуры, и принесли свою культуру, которая имела много общего с римской. Таким образом, дальнейшее развитие западной культуры исходит одновременно от римского и германского начала, между которыми не было качественной разницы. Самая смена римского мира германским не была катастрофой и перерывом в развитии культуры, она представляла собою непрерывную линию развития. То, что говорят о разрушении городов, о гибели городской культуры Рима после германского завоевания, думает Допш, - совершенно ошибочное мнение. Равным образом Допш полагает, что германские завоевания не только не усилили элементов натурального хозяйства в Римской Империи, но наоборот, большая передвижка народа содействовала развитию связи между отдельными городами империи, оживила империю, усилила ее экономическую связь с отдельными частями.

Что представляет собою, в конце концов, это германское завоевание? Допш думает, хотя он этого не показывает конкретно, что римская культура сгнила, разложилась и что германцы принесли какой-то элемент свежести, обновления в эту культуру, но это обновление представляло собой факт из области национального духа, потому что по существу разницы между культурой и общественным строем германцев и римлян не было.

На теориях Допша я остановился не только потому, что они имеют большую историографическую значимость, как крупный показатель тех сдвигов, которые происходят в настоящее время в буржуазной науке Запада. Мы видим, что в теориях Допша произошло своеобразное слияние германистической и романистической теорий с определенным социально-реакционным содержанием. Он отвергает насильственный ха-

характер переворота при смене античного мира средневековьем, он выставляет частную собственность, крупное владение и эксплоатацию, как моменты исконные в развитии европейского человечества. Он последовательно проводит эту точку зрения и на дальнейшем материале, поэтому я пока изложение теорий Допша до конца не доведу, чтобы вернуться к ним при изложении раннего феодализма. Но я остановился на этих теориях и потому, что они оказали довольно значительное влияние на построения ряда историков, в частности историков СССР. Я имею в виду, в частности, последнюю книгу Петрушевского " Очерки экономической истории средневековой Европы", где он в значительной мере развивает и систематизирует идеи Допша. Влияние идей Допша мы видим даже в работах некоторых марксистских историков, в частности в работе Неусыхина " Общественный строй древних германцев", влияние, если не основных идей, то, во всяком случае, некоторых выводов Допша. Нам необходимо поэтому отдать себе отчет в социальных корнях этой теории и квалифицировать ее, как определенную социально-реакционную теорию. Это, конечно, нисколько не ослабляет значения ряда частных наблюдений Допша, ряда установленных им отдельных фактов.

Надо сказать, впрочем, что теории Допша, как они ни кажутся нам социально-реакционными, представляют собой с точки зрения получающих все большее господство в немецкой науке фашистских идей еще слишком либеральными. Я не могу сказать, чтобы эта фашистская "расовая" теория представляла собой что-нибудь завершенное, выработанное, дающее стройную и полную картину перехода от античности к средним векам, но эта теория характеризует в данный момент те лозунги, под которыми немецкая наука, имевшая такое почетное прошлое, идет на штурм таких трудных позиций, как эпоха перехода от античности к средним векам. Наиболее законченное выражение фашистская теория получила у Гюнтера. Фашисты резко отличают понятие национальности от понятия расы. Когда они говорят о национальности, то имеют в виду лишь общий язык. Поэтому нельзя говорить о славянской или германской расе, а можно говорить только о славянском или германском языке. Что касается расы, то к ней конкретно подходят с точки зрения естественно-научной, антропологической и устанавливают ее путем антропологических наблюдений и измерений. Какой расе свойственны физические и психологические характерные особенности, отличающие ее от всех других рас. Правда, расы существуют очень смешанные, имеется масса переходных типов, но все же в Европе различаются 5 основных рас. Прежде всего, северная раса. Это высшая аристократическая раса, представители которой с точки зрения фашизма

являются как бы естественными господами, естественными повелителями по самым своим физическим и душевным свойствам. Эта раса имеет такие особенности: высокий рост, долихокефалический, т.е. продолговатый череп, сравнительно узкое лицо, светлые волосы, светлые глаза, белую с розовым оттенком кожу, стройное сложение. Эта раса отличается также целым рядом особых психических признаков. Люди этой расы отличаются особой способностью к логическому мышлению, особой предприимчивостью, активностью, самообладанием, чрезвычайным индивидуализмом, чрезвычайной храбростью, затем волей и способностью повелевать. Это-раса господ, организаторов, завоевателей. Поэтому эта раса находится и в наибольшей опасности по сравнению с другими. Будучи наиболее храбрыми, люди этой расы гибнут в войнах. Будучи наиболее способными, наиболее предприимчивыми, побеждающими в борьбе за существование, люди этой расы делаются господствующим классом. Они не остаются большей частью в деревне, а переходят в город, представляют собой высший класс, а в высшем классе рождаемость меньше, чем в низших классах. Поэтому эта ценнейшая раса находится в постоянной опасности вымирания. По мнению фашистских теоретиков северная раса создала все великое, что когда либо было создано человечеством. Вся область так называемых индо-европейских языков, арийских языков была в ту или иную эпоху территорией завоеваний и распространения этой северной расы. Все великие государства и в Индии, и в Персии, и в древней Греции, и Римское государство, не говоря уже о средневековье-все это было создано северной расой. Завоеватели северной расы были великими создателями государств. Но именно это обстоятельство вело за собой вымирание этой северной расы от войн, кроме того, после достижения вершин культуры, ее постигало то культурное вырождение, которое характерно для высших классов. Оно вело к тому, что в ряде культур северная раса постепенно вымирает и исчезает. Так было в Индии и Персии, так было в древней Греции, так было и в Риме.

Что же является причиной гибели крупных монархий и государств, созданных северной расой? Рим погиб потому, что исчезла северная раса, германцы победили и овладели Римской Империей, положили начало новому европейскому миру именно потому, что в них эта северная раса была сильна.

Я не буду распространяться о других расах, о которых говорит Гюнтер. Он говорит о наличии других рас, европейских арийских рас, за которыми он признает достоинства, но главным недостатком которых является недостаток творчества, способности к основанию большого политического об"единения, неспособность властвовать. Возьмем западную расу-средизем-

оморскую, которая является господствующей в Ита-
ии и Испании. Она отличается малым ростом, правда
наличием долихокефального черепа, темным цветом
ица, темными волосами и темными глазами. Психоло-
ические свойства этой расы таковы: страстность,
одвижность, но в то же время леность, которая
ешает творить великие дела. Затем он говорит о
инарской расе. Представителями ее являются высокие,
оротконогловые люди с плоскими затылками и большим
и носами, с темными волосами, глазами и кожей. От-
ичия этой расы - грубость, правдивость, но в тоже
ремя узкость кругозора, что не дает им возможности
ыдвигаться на большие дела. Дальше идет восточно-
европейская раса. Это люди низкого роста, с корот-
им черепом, широким лицом, коротким носом, жесткими
ерными волосами, выпуклыми черными глазами и желт-
ой кожей. Они отличаются скупостью, хитростью,
рактичностью, но все это-мелкие свойства, не дающие простора для больших дел, для господства над
ругими. Наконец, восточно-балтийская раса, к которой
он причисляет значительную часть населения России.
Они отличаются самыми неприятными свойствами. Низ-
кий рост, короткая голова, широкое лицо, короткий и
ирокий нос, светлые пепельные волосы и светло-се-
рый цвет лица. Они отличаются медлительностью, не-
одвижностью, меланхоличностью, вечным недовольст-
вом, отсутствием творчества и активности. Конечно,
среди всех этих несимпатичных рас северная раса вы-
годно отличается своими свойствами. Судьбами этой
расы и определяется история человечества.

Перед германской нацией стоит определенная за-
дача-всячески содействовать сохранению, усилению
северных элементов, северной расы, северной психоло-
гии, северных идей в Германии, в которой северная
раса в эпоху ранней стадии ее развития, в эпоху
Цезаря или Тацита, являлась господствующей.

На этой теории, конечно, не стоило бы останав-
ливаться, не представляй она собой своего рода исто-
рического курьеза. Курьеза, однако достаточно зло-
вредного, так как она является идеологическим покро-
вом для захватнических идей германского фашизма,
идеологии наиболее реакционных, варварски одичавших
кругов господствующего класса империалистического
мира. Критиковать такую теорию не имеет никакого
смысла.

Мы перейдем к изложению фактической истории.

Проанализируем самый процесс германских завое-
ваний и связь этих германских завоеваний с теми
процессами, которые совершались в Римской Империи,
и прежде всего с революцией рабов.

Мы видели, что последние века Римской Империи,
начиная, в сущности, с III века, представляли собой со-
стояние непрерывного революционного брожения, при-

чем революции рабов сближались с крестьянскими революциями, с революциями колонов. Колоны и рабы выступают в качестве союзников. Третьим их союзником, правда, союзником чрезвычайно своеобразным, выступают германцы. Я остановился на характеристике германцев в эпоху Тацита. Это конец I века нашей эры. Я сказал, что римляне перешли от наступления на германцев к обороне. Только в области десятинных полей римляне продвинулись на германскую территорию. Граница римских владений протяжением, примерно, в 500 клм. от Кобленца на Рейне до Регенсбурга на Дунае была укреплена рядом городов, крепостей, валов. Здесь держался постоянный гарнизон, здесь по границе сидились леты и федераты для защиты от напора германцев. Эта знаменитая римская граница - *limes romanus* - является одним из интереснейших археологических районов. В этой пограничной области, где происходил постоянный обмен между римлянами и германцами, ведутся непрерывные раскопки, дающие богатейший археологический материал. Здесь происходит тот культурный обмен, которому приписывает такое большое значение Допш. Римляне оказывают значительное влияние на германцев, особенно в области материальной культуры. В Германии в ходу только римская монета, т.к. своей монеты у германцев нет. При этом обращалась только серебряная монета, поскольку крупных сделок у германцев не было. Германцы научились у римлян усовершенствованным приемам земледелия, огородничеству, садоводству, разведению плодовых деревьев. В свою очередь германцы через эту границу постоянно просачивались в Римскую империю в качестве рабов, летов, федератов. Они постепенно проникали на территорию Римской Империи. Не прекращались и военные отношения. Например, Маркоманская война Марка Аврелия между 165 и 180 годом. На Дунайской границе римлянам приходилось вести долгую борьбу с рядом племенных об"единений германцев. В это время отдельные германские племена в связи с процессом классообразования начинают об"единяться в крупные федерации. Прежнее мелкое деление начинает уступать место крупным об"единенным союзам племен. Пограничные племена носят название маркоманов. Слово "марк" имеет несколько значений. Оно обозначает общину, границу и марку- монету. Здесь это слово взято в смысле границы. После маркоманских войн эти маркоманы исчезают, но это не значит, что племя исчезло, оно лишь рассеялось по другим об"единениям.

Германские племена-маркоманы, затем квады, германдуры, вандалы переходят через Дунай и прорываются даже в Италию. Только в 180 году они были оттеснены, отчасти путем выплаты им дани, за Дунай. В III веке нажим германцев на империю снова усиливается. В связи с революциями рабов и колонов, которые переживает империя в III веке, целый ряд германских племен

прорывается через римские границы и начинает смыкаться в большие политические союзы. Это вызвано процессом образования государства в Германии. Начинаются большие завоевания, и германцы занимают в течение конца II и III веков огромную территорию. Не надо только представлять себе эти завоевания или эти занятия огромной территории, как расселение, колонизацию, заселение больших пространств огромным количеством людей. Часто это были лишь завоевания других соседних племен. Эти государства были разноплеменными, в эти государства входили в большом количестве и славянские, и финские племена, жившие в этих районах, отчасти кочевые, степные племена. Особенно крупным было расселение готов на востоке. Относительно готов существует теория, утверждающая, что они сначала переселились на Скандинавский полуостров из области р. Вислы, затем возвратились назад. Все это довольно сомнительно, но мы можем констатировать, что в начале III века готы широко расселились на юго-востоке, занимая нынешнюю южную Украину, черноморские степи, и продвигаются на восток почти до самой Волги. Они занимают, между прочим, и Крым. В Крыму и сейчас находят археологические памятники, оставшиеся от готов. Племя готов заняло все северное побережье Черного моря, готы плавают в Черном море, они строят ладьи, в которых переходят проливы и появляются в Средиземном море, грабят берега Малой Азии и Греции. В III столетии готы производят усиленный напор на римские границы, их нашествию подвергается область к северу от Дуная, так называемая Дакия. Они захватывают ее, и Дунай становится северной границей Римской империи.

- - - - 0 - - - -

Лекция VII.

В IУ веке у готов появляется проповедник христианства Ульфила/ род. 310г./ ,сам гот по происхождению.Появление христианства является одним из симптомов классового разделения. У готов,как у всех племен, переходивших к христианству,первыми принимает новую религию верхушка, князья, король,местная аристократия, которая затем уже ведет длительную борьбу со старинной народной религией. В христианстве получает свое идеологическое выражение борьба между родовым обществом и формирующейся аристократией. Христианство было принято готами в форме арианской ереси.

Ульфила перевел евангелие на готский язык. Это старинейший памятник германского языка ,какой имеется в истории. Евангелие Ульфилы является чрезвычайно важным историческим источником,потому что в терминах,которые он употребляет при переводе евангелия на готский язык,сказывается и культурный и социальный уровень готов. Из этого евангелия мы можем извлечь некоторые указания на то,что готы знакомы были с рабством,что готам было известно социальное расслоение,что доказывается и другими источниками,затем,что готы были хорошо знакомы с земледелием,у них даже термины"работать"и"пахать"передаются одним и тем же словом.С другой стороны,у них целый ряд понятий и терминов происходит от родового строя.Таким образом, мы видим общество,в котором в основном господствует родовой строй,но в котором происходит уже дифференциация,выражающаяся в отслоении аристократии,в образовании государства,нашедшем определенное религиозное выражение в принятии христианства ,как религии господствующего класса.

Я опять предупреждаю,что под именем готов,или когда мы говорим о государстве готов в это время, мы должны себе представить нечто чрезвычайно пестрое по составу племен,находящихся на весьма разнообразных ступенях общественного развития,- далеко не все они были германскими племенами, усвоившими германский язык. Среди них были славянские и финские племена,отчасти кочевые степные племена.

В IУ веке остготам пришлось выдержать натиск гуннов.С этого столкновения с гуннами обычно начинают эпоху так называемого великого переселения народов. Происходят крупные перемещения целых племен,которые совершенно изменяют всю карту Западной Европы в течение одного столетия. Самый этот термин " великое переселение народов" приходится принимать с очень большими оговорками. Переселения германцев существовали и раньше,и широкое расселение германских племен вызывалось экономическими условиями,в которых находились эти племена, прежде всего низким уровнем сельскохозяйственной техники, вследствие которого быстро наступали перенаселение и потребность в но-

вых землях. Эпоху переселений надо отодвинуть далеко назад. Прежние германские переселения вызывались теми же причинами. Но в IУ ст. происходят наиболее крупные сдвиги и перемещения и, в результате их, образование государств на территории Западной Римской Империи. От толчка, который был сообщен гуннами, начинается великое переселение, которое вызывает лишь более бурные столкновения в непрерывных передвижениях, существовавших уже ранее.

Относительно происхождения гуннов в науке нет сколько-нибудь точного решения. Одни обозначают их, как монголов, другие, как тюрков, но это вопрос, который едва ли может быть когда-нибудь разрешен, поскольку ни монголы, ни тюрки не представляют собой чего-нибудь этнически определенного. Гунны, повидимому, представляли чрезвычайно сложную группу в этническом отношении. Это были кочевники. Это резко подчеркнуто современными им историками. Они появились на широкой степной дороге, которая идет через всю Азию, тянется от границ Китая и доходит до Европы. Тот степной пояс, который сужается между Каспийским морем и Уральским хребтом, затем расширяется в виде Черноморских степей, идет по Дунаю и кончается на Среднем Дунае, окруженном горами. Историки указывают, что около начала христианской эры племена с названиями, похожими на гуннов, передвигаются около границ Китая. Китаю приходится вести борьбу с гуннами и в защиту от них была построена великая китайская стена. Набеги на северный Китай связываются, впрочем, и с набегами других племен. Гунны были отброшены на запад, но те ли это гунны, которые выступают в истории Западной Европы - это вопрос крайне спорный. У историка готов Иорнанда имеется на этот счет собственное воззрение. Он думает, что происхождение гуннов таково: готы изгоняют из своей среды преступников и разбойников. Они селятся по берегам Меотийских болот (так называлось Азовское море), вступают здесь в браки с ведьмами, которые населяли это болото. От этих браков между готскими преступниками и ведьмами и завелись гунны. Ясно, что о гуннах готы узнали только тогда, когда гунны оказались вплотную около их границ. Им представлялось, что они появились из-за Меотийских болот. Историки, в частности Иорнанд, очень живо описывают страшное впечатление, которое произвело гуннское нашествие как на германцев, так и на римлян. Гунны, как описывается у историков этой эпохи, жили, можно сказать, на лошадях, как настоящие степные люди, и внезапно налетали огромными массами на своих небольших выносливых лошадях. История описывает наружность гуннов, которая казалась

страшной, необычной: их темный цвет лица, их косые глаза, приплюснутые носы и редкие бороды-нарушают, которая, повидимому, носит отпечаток монгольского типа. Но, конечно, очень трудно судить по этим описаниям о действительном типе гуннов, ибо, очевидно, описывались наиболее резкие, поражавшие европейцев этнические черты. Гунны без труда разгромили государство остготов в 375г., королем которого был Германарих. Из этого можно видеть, насколько это образование было слабо. После этого остготы в этой области исчезают совсем. Через несколько десятков лет мы видим остготов совершенно в другом месте, гораздо западнее. Впечатление такое, что гунны в своем передвижении на запад увлекли остготов за собой. Остготы оказались заброшенными далеко на запад к Дунаю. Они потом вошли в состав гуннского государства, которое образовалось на среднем Дунае уже в V столетии, на территории римской провинции Паннонии/совр. Венгрия/.

Это поражение остготов отозвалось и на их соседях, на вестготах. Поселения вестготов находились между Днестром и Дунаем; наступавшие гунны ударили на них с северо - востока. Это заставило вестготов просить у римлян земли для поселения. Император Валент предоставил им пограничные земли для заселения в качестве федератов с тем, чтобы использовать их для защиты границы. Части вестготов было разрешено переправиться через Дунай, но в паническом ужасе через Дунай ринулись все племена. Историки описывают гибель вестготов, которые бросались в реку, спасаясь от врага. Таким образом, на территорию Римской Империи перешло гораздо большее число вестготов, чем это разрешил император. Трудно, конечно, определить, переселяются ли массы народа, или мы имеем дело с сравнительно небольшими отрядами, проникающими вглубь империи, но здесь повидимому все говорит, что вестготы перешли в Римскую Империю в большом количестве. Их насчитывают до 200 тысяч воинов, чему соответствует до 800 тыс. населения, потому что они переселялись с женами, детьми и стариками. Они были поселены в 375 г. в качестве федератов в провинции Мизии, теперешней Болгарии, к югу от Дуная, и здесь скоро среди них начинается восстание. Поселение вестготов вызвало большие опасения у правящих классов Римской Империи, в связи с брожением рабов и колонов. Опасались, как бы рабы и колоны не встретили в вестготах поддержки. Создается план расселить вестготов в разные места и обратить в рабов и колонов. Таким образом, мы встречаем попытку подчинить вестготов тому способу производства, который господствовал в Римской Империи.

Притеснения императорских чиновников и попытки порабощения вызывают у вестготов восстания. С этих

осстаний, собственно говоря, и начался процесс
аспадения Римской Империи на германские государ-
тва.
Появление вестготов на территории Римской империи
е было появлением завоевателей. Вестготское завое-
ание началось как восстание, и притом восстание
ротив рабовладельческого государства, против попы-
ок превратить их в рабов и колонов. При этом ха-
актерно, что восстания вестготов послужили сигналом
ля бегства к ним рабов и колонов из всех окружаю-
их местностей. Непрерывное брожение рабов и коло-
ов, которое совершалось в империи, теперь оформилось:
абы и колоны присоединились к германскому восста-
ию.
Надо отметить, что среди рабов и колонов уже было
овольно большое количество германцев, которые
ежали теперь к своим землякам. Создавался союз
ежду восстанием германцев и революцией рабов и ко-
онов в Римской Империи. Во фракийских рудниках,
де работало много рабов, горнорабочие-рабы встре-
али вестготов, как своих избавителей и присоединя-
лись к ним. Этот союз германских племен, восстаю-
их против Римского государства, с восстанием рабов
колонов, проходит красной нитью через всю историю
ак называемого великого переселения народов. Про-
есс завоевания Римской Империи и расселения гер-
анцев на территории Римской Империи был неразрывно
вязан с революцией рабов и колонов.
Попытки империи подавить восстание вестготов оканчивались неудачей. В 378 г. при Адрианополе произошло сражение между вестготами и высланными против них войсками, которое окончилось полной победой вестготов. Император Валент был убит в этом сражении. После этого присоединение рабов и колонов к победоносным войскам вестготов приняло еще более широкие размеры. Только в 382 г. полководец Феодосий, который потом стал императором, разгромил вестготов, и они согласились признать власть Римской Империи. Их расквартировали в разных частях Балканского полуострова. В 395г. Феодосий умер, и с этого времени Римская Империя разделилась на Восточную и Западную. На востоке императором стал Аркадий, на Западе Гонорий, но оба императора были пешками в руках своих советников. Государство, которое Феодосий крепко держал в руках, при его неспособных преемниках начинает опять колебаться. Произошло новое восстание вестготов. Они выбирают короля. У них был король и при походе через Дунай, но от него римляне поспешили отделаться путем убийства. Теперь появляется новый король Аларих, который получил подготовку в римских же войсках. Он был офицером римской службы. Это был сравнительно молодой человек, происходивший из аристократического рода Балта. Аларих поднимает новое восстание, вестготы берут большой выкуп с

Константинополя, затем двигаются на юг по Балканскому полуострову. Только войска, пришедшие из Западной Империи под предводительством Стилихона, в руках которого фактически находилось все управление при неспособном императоре Гонории/сам Стилихон был по происхождению германец-вандал, что доказывает, до какой степени германцы проникли в Римскую Империю/, оттеснили вестготов из Греции. Им была отведена одна провинция Иллирия, в которой они и были поселены в качестве федератов. Это одна из плодороднейших цветущих провинций империи, с большими запасами хлеба, магазинами, арсеналами. Все это перешло в руки вестготов. Но в скором времени вестготы двигаются на запад и стремятся в Италию. Стилихон укрепляет Италию против вестготов, заключает союз с рядом германских племен, стягивает римские легионы со всех концов империи, восстанавливает укрепления.

В частности, для борьбы с Аларихом были вызваны римские легионы из Британии. Это была окраинная провинция Римской Империи, сравнительно слабо романизированная, римскому влиянию подвергалась только юго-восточная часть Британии, где господствовал латинский язык, был ряд римских городов, были аграрные порядки, напоминающие римские рабовладельческие виллы. но остальная часть Британии находилась в руках сравнительно слабо покоренных британских племен, которые находились на стадии родового строя, с зачатками феодализма. Римское господство в Британии держалось только легионами. Теперь для борьбы с Аларихом римские войска были отведены из Британии, и с начала V века римское владычество в Британии кончилось. Это первая крупная потеря для Рима.

Группа британских племен переходит в состояние независимости, но скоро, как мы увидим, начинается уже и настоящее завоевание Британии германцами.

Вестготы переправляются в Италию. Я не буду описывать все перипетии их продвижения по Италии, а укажу только, что и здесь множество рабов и колонов бежит в войска Алариха. Его войско непрерывно растет. Часть римского войска тоже переходит на сторону Алариха, поскольку и в римских войсках было большое количество германцев. Войско Стилихона представляло собой чрезвычайно пеструю массу, из которой чуть ли не больше половины составляли союзные и наемные германские дружины. Считают, что к Аларику бежало свыше 40 тыс. рабов и колонов и кроме того тысяч 30 германцев из войска Стилихона. Трудно сказать, насколько все эти цифры правильны. Можно думать, что они преувеличены. Но все-таки имело место массовое бегство к германцам как рабов и колонов, так и германцев, находившихся в римских войсках.

Аларих три раза подступал к Риму. Два раза римское правительство откупалось от Алариха, наконец, в третий раз Рим был взят Аларихом после отказа от уплаты ему выкупа. Это произошло 24 августа 410г. Ворота Рима были открыты Аларику рабами. Рим подвергся разграблению, войска Алариха три дня опустошали столицу. На все население Римской Империи факт взятия Рима произвел потрясающее впечатление.

Это впечатление отразилось в произведениях ряда писателей, особенно в сочинениях Августина, епископа гиппонского /в Северной Африке/. Он рассматривает взятие Рима, как исторический факт огромной важности, как переломный момент, с которого он начинает гибель Римской Империи. По его мнению, Римская империя погибла за те несправедливости, которые были совершены римскими императорами против христианства. Теперь наступает конец Римской Империи и на место ее должна стать христианская церковь, государство божие, которое должно сменить полуязыческое государство, запятнанное кровью христианских мучеников. Августину рисуется гибель старого мира и начало нового периода. И это не пустые слова. Христианская церковь делает судорожные усилия, чтобы взять власть в свои руки, чтобы спасти разлагающееся рабовладельческое государство. И сам Августин играл в этом немалую роль.

Вестготы, захватившие Рим, двинулись в Южную Италию. Их планом был захват Африки, которая считалась житницей империи. Но им не удалось переправиться в Африку. Аларих умер во время этого похода. Флот вестготов был разбит, и они отправились опять на север. После целого ряда передвижений, столкновений с римскими войсками, они пришли в Галлию. Уже при преемниках Алариха, в 418 году, было основано тулузское государство вестготов в юго-западной Галлии, в Аквитании. Вестготы поселились опять-таки на положении федератов, войска, подчиненного римскому императору, но в действительности это было совершенно независимое королевство со своим королем во главе, который носил титул римского военачальника /magister militum/. Сначала вестготы были поселены на тех же основаниях, на которых обыкновенно селились германские федераты, им была предоставлена одна треть всех доходов местного населения, они были расквартированы в домах местного населения, и местное население должно было отдавать им одну треть доходов. Можно себе представить, насколько была сложна эта система. Поэтому такого рода отношения скоро были заменены другими, а именно: вестготы завладели одной третью земли местного населения. Вестготы захватывают, главным образом, земли крупных римских землевладель-

цев.

Местное трудящееся население смотрит на вестготов, как на своих избавителей, потому что с их приходом разрушилась система бюрократического управления и беспощадного вытягивания налогов. Вестготы продолжали собирать лишь кое-какие старые римские налоги, а в основном весь этот страшный налоговый гнет был сокрушен.

Вестготы в первое время после завоевания вступают в союз с демократическими слоями населения. В городах, которые им приходится брать, образуются две партии: одна, которой принадлежат верхи галло-римской аристократии, и другая, представленная низами населения, трудящимся населением, которое принимает сторону вестготов. Ворота некоторых городов были открыты перед вестготами их сторонниками.

Вестготам пришлось выдержать целый ряд столкновений с римлянами. Одно время они были вытеснены из Аквитании, затем опять вернулись. Но уходя из Аквитании, они вместе с рабами и колонами устроили страшный разгром римских земельных владений и резню крупных землевладельцев.

Вестготы перешли в Испанию, куда еще раньше продвинулись другие германские племена. Во время борьбы с вестготами в Италии, границы Римской империи были открыты, и в нее проникли другие германские племена. В это время продвигается на территорию Римской Империи племя свевов, которые известны с первых моментов встречи римлян с германцами. Это довольно сложная племенная группа переселяется в Испанию в постоянном союзе с богаудами в их борьбе против римской землевладельческой аристократии. Затем продвигается племя вандалов. Трудно сказать, какими массами, в каком количестве они продвигались, но во всяком случае, можно думать, что вандалы двинулись в Римскую Империю целыми племенами. Они прошли через Галлию и осели в Испании. Когда вестготы продвинулись в Испанию, они нашли там и свевов и вандалов. Затем франки заняли северо-восток Галлии. Все они сначала как будто переходят на положение римских подданных, признают над собой верховенство Римской Империи, но фактически очень скоро начинаются восстания, захват римской территории и переход к самостоятельной политической жизни.

Вестготы, перейдя в Испанию, встретили здесь свевов и вандалов и постепенно завоевали большую часть Испании. При этом свевы сохранили свое государство в северо-западном углу Испании, а вандалов вестготы постепенно оттеснили из Испании на юг. Отсюда они перешли в Африку. Вандальский король Гензерих, ловкий и проницательный политик, вмешался в социальную борьбу внутри Африки и постепенно завоевал всю северную ее часть. В 439 г. наместник Африки Бонифаций сам пригласил вандалов. Это было второе государство германцев на территории Римской Империи. Третьим

крупным государством на территории Римской Империи
ало государство бургундов. Это было название це-
ого союза племен восточной части Германии, которые
III века начинают постепенно передвигаться на Запад.
У веке мы их находим на Рейне. После целого ряда
толкновений с римлянами они были поселены римским
олководцем Аэцием к югу от Женевского озера в
аводе 443г./ и потом, по приглашению населения
-й Лионской провинции в Галлии / 457 г./, они пе-
шли туда и заняли юго-восточную Галлию.

Прежде все единогласно думали, что бургунды были
риглашены демократическими слоями населения, что
ам шла борьба между римской сенаторской аристо-
ратией, т.е. крупными землевладельцами, и демократи-
ческими слоями города и деревни, и эти демократи-
ческие слои и приглашили бургундов. Бургунды прии-
ли и выступили в качестве патронов этого угнетенного
населения, покровительствовали ему. Их иронически на-
зывает один из писателей У века семифутовыми патро-
нами- "septipedes patroni ", потому что они отлича-
лись большим ростом. Это, между прочим, подтверждается
раскопками-бургундские скелеты отличаются необычай-
ной величиной. Отсюда бургунды распространились по
всей долине р. Роны.

Бургунды захватили юго-восток Галлии, район рек
Соны и Роны. Этот район и в настоящее время называет-
ся Бургундией.

В это время Римскому государству пришлось испытать
еще целый ряд новых сокрушительных ударов, которые,
можно сказать, окончательно поколебали устои импе-
рии.

Гунны в своем продвижении на запад дошли до конца
той степной полосы, которая кончается в среднем
Дунае, теперешней Венгрии. Это конец пути кочевников,
шедших из Азии в Европу. Здесь сменился ряд госу-
дарств особой структуры, в которых сохраняется в те-
чение столетий ряд остатков кочевого быта.

Сначала мы видим здесь гуннов в У ст., в VI ст.
появляются авары, в IX ст. венгры, которые занимают
эти земли и до настоящего времени. Во второй четвер-
ти У века здесь образуется гуннское государство. Во
главе его появляется талантливый вождь Аттила, круп-
ная фигура в истории. Под его господством гуннское го-
сударство достигает громадных размеров. Оно предста-
вляет собой чрезвычайно непрочное об"единение разно-
образных племен, которые так же легко соединяются, как
и распадаются. Племена от Рейна до Волги платили ему
дань и признавали его верховенство. Платил Аттиле
дань и сам римский император. В произведениях, осо-
бенно церковных писателей этой эпохи, Аттила высту-
пает, как страшно жестокий вождь. Есть свидетельства
о том, что будто бы он сам говорил, что там, где сту-
пят копыта его коня, там не растет трава. Но в то же

время об Аттиле сохранились воспоминания совершенно другого рода. Например, в народном эпосе, который долгое время передавался устно, а впоследствии был записан в несколько переработанном виде, в так называемой" Песне о нибелунгах", которая окончательно оформилась в XI-XII столетии, как рыцарский эпос, фигурируют, главным образом, бургундские короли. В этом эпосе выступает и Аттила под именем короля Этцеля. В легенде он выступает, как могучий и мудрый король, к которому обращаются за разрешением трудных спорных вопросов другие государства. Надо отметить, что в записках одного римского посла Приска, который был при дворе Аттилы, последний изображается, как умный, проницательный и хитрый дипломат. Приск приводит беседу с одним римлянином по происхождению, который был одним из приближенных Аттилы. Он рассказывает, что в гуннском государстве народу живется несравненно лучше, чем в римском. Этот вымышленный, может быть, диалог отражает впечатление, которое произвело государство Аттилы на жителя римского государства, даже на представителя довольно высоких классов. В государстве Аттилы, говорится в диалоге, народу живется гораздо лучше, потому что нет налогов, нет жадных чиновников. Трудящееся население, в частности рабы и колоны, смотрели на гуннов, как на своих избавителей. Когда они появились на территории Римской Империи, всюду началось восстание рабов и колонов, и богауды опять вступают в союз с гуннами.

Аттила произвел ряд крупных нашествий на Западную Римскую империю. Прежде всего он двигается на Галлию /в 451 г./. Для того, чтобы отразить этот удар, римский полководец Аэций, тоже германского происхождения, привлекает на сторону Рима, во-первых, вестготов, которые в это время имели свое государство, затем, бургундов и франков. Этот союз между римлянами, вестготами, бургундами и франками является для нас весьма знаменательным моментом, он показывает, что занятие Римской империи, захват римских земель не прошли даром для захвативших эти территории германцев. У германцев в это время уже отслаивается аристократия, и эта аристократия получила земли с рабами и колонами. У самих германцев начинаются крупные социальные сдвиги, которые сделали возможным соглашение между правящими слоями вестготов, бургундов и франков с римлянами. Однако, не все германцы стали на сторону римлян, значительная масса тех же франков, бургундов и вестготов сражалась на стороне гуннов.

Решающее сражение произошло в теперешней Шампании, на Каталаунских полях в 451г., во время которого Аттила потерпел первое поражение благодаря вестготам. Аттила в своем лагере уже подготовлялся к самоубийству, но раздоры между римлянами и германцами спасли положе-

ие.Аэций вовсе не хотел дать своим германским юзникам совершенно разгромить гуннов,он удержал остготов от разгрома лагеря. Гуннам удалось уйти и ести свою добычу.

В следующем, 452 г. Аттила держит направление уже а Италию. Он собирается итти на Рим и только после олгих переговоров с участием папы Льва удалось уго-орить его взять большой выкуп и повернуть обратно Италии.

В следующем году Аттила умер/ 453г./, и государст- его быстро распалось. После тех ударов,которые ретерпела Римская Империя в первой половине У века, мператорская власть остается лишь тенью былого огущества.Фактически вся власть в империи переходит руки вождей германских дружин,которые ее защищают. мперия может защищать себя только при помощи наем-ых германских войск, потому что римское население. имские рабы и колоны не имеют ни малейшего желания защищать. Крупные римские землевладельцы могут ереться лишь на наемных германцев, которым они латят либо золотом,либо землей; таким образом,за-ита Римской Империи производится при помощи ненадеж-ых и опасных защитников. В конце концов,власть пере-одит в руки предводителей наемных германских дру-ин.В последнее десятилетие существования империи мператор делается простой игрушкой,которую герман-ский вождь либо возводит,либо низлагает с престола по воему усмотрению.

Крупной фигурой из вождей германских дружин,защи-авших империю, был свев Рицимер,который возводил низлагал императоров по своему усмотрению.В тече-ие 44-х лет сменилось 9 императоров.После смерти ицимера произошло окончательное падение Римской Им-ерии на Западе.Наемные германские войска в Италии отребовали,чтобы им отвели одну треть земли;им было этом отказано,тогда под предводительством своего ождя Одоакра они восстали и низложили последнего мператора Ромула Августула, которого отправили в агородную дачу в Кампании,назначив ему пенсию.Пос-е этого фактическим королем Италии делается Одоакр. то было в 476 г. После него императоров на Западе е было. Одоакр послал знаки императорского достоин-тва императору Восточной империи,принял от него итул патриция,но фактически стал полновластным ко-олем Италии. 476г. считается годом падения Римской мперии,но такие явления,как конец Римской Империи, онечно,не могут быть обозначены каким-нибудь одним одом. Императорская власть фактически уже давно аходилась в руках германских предводителей дружин. осток не пострадал от этих крупных передвижений и ереселений.В основном он сохранил свои границы,но то же осталось на Западе.

В это же время появляются германские государства и в Британии. Германские племена англов, которые жили в южной части Дании, в Шлезвиге и Голштейне, затем в Саксонии, в устье рек Рейна и Эльбы, затем фризы и юты начинают переселяться в восточную Британию. Эта колонизация началась в III столетии, когда Британия еще находилась под властью Рима. Уже тогда шли постоянные пиратские набеги северных германских племен на восточные берега Британии. Была организована специальная защита этого берега под эгидой особого римского военноначальника, и после того, как римляне в середине V в. отозвали из Британии свою оккупационную армию, эта колонизация уже принимает более широкий характер. Целые племена англов, ютов и фризов в течение целого столетия переселяются в Британию, которая с этого времени получает их имя. Начиная с V века, имя Англии все чаще применяется к Британии. Англы и саксы составляли большую часть переселившихся племен.

Англо-саксы встретили большое сопротивление со стороны местного населения, так называемых бриттов, которые говорили на кельтском языке, и постепенно оттеснили их на север. Завоевание острова сопровождалось или полным истреблением или порабощением британского населения и заняло целые столетия. В конце концов, бритты уцелели только на западной окраине Англии, в теперешнем Уэльсе, который и до сих пор остался британским, кельтским по своему языку.

Другая часть бриттов была отнесена к северу, в Шотландию, где также остался кельтский язык. Но не надо представлять себе, что бритты были вытеснены полностью. Мы часто видим, что завоевание, покоренное население теряет свою национальность, превращается в рабов и крепостных. Во время войны, которую вели англо-саксы с бриттами, часть бриттов с Корнуэля переселилась на полуостров Армориум/нынешняя Сев.-зап. Франция/, который получает название Бретани. Кельтское население Бретани отличается своеобразным языком, нравами и бытом. Оно еще и до настоящего времени не утратило своих национальных специфических особенностей.

Таким образом, Британия была потеряна римлянами. В 476 г. прекратила свое существование Римская Империя, но остались владения по Лауре, которые не были захвачены германскими племенами. Север был захвачен франками, юго-восток-бургундами, юго-запад-вестготами, а посредине еще оставались владения, которые находились под властью одного крупного землевладельца, который никогда не носил императорского титула. Эти владения принадлежали некоему Эгидию. Это показывает, что Римская Империя политически разлагалась, что крупные землевладельцы постепенно превращались в мелких государей в своих владениях. После Эгидия правил его сын Сиагрий. Это государство просуществова-

о 10 лет после падения Западно-Римской Империи. В 486 г. франкский король Хлодвиг захватил его. Римская Империя на Западе окончила свое существование. Она распалась на ряд отдельных германских государств. Я вкратце коснусь некоторых дальнейших перемещений границ между этими германскими государствами, чтобы покончить с этим вопросом. Государство Одоакра не удержало в Италии. В 493г. оно было завоевано остготами. Государство остготов появляется сначала в пределах прежнего государства Аттилы, к югу от Дуная. Они вынудились на завоевание Итадии, их король Теодорих убил предательским образом Одоакра на пиру, а дружинам было предложено примкнуть к Теодориху. Им были обещаны земельные наделы в Италии. Таким образом, Италия и принадлежащие к ней с севера части почти до самого Дуная составили государство Остготов. В начале УІ в. происходят некоторые перемены в Галлии.

Франки захватили государство бургундов и те владения вестготов, которые были в южной Галлии. Таким образом, почти вся Галлия была захвачена франками.

В результате получилось значительное упрощение политической карты Западной Европы: в Галлии утвердились франки, и с этого времени начинает укореняться самый термин -Франция, затем в Испании-вестготы, в Италии-остготы, в Африке-вандалы, в Британии-англосаксы.

Такого рода огромные политические сдвиги, конечно, сопровождались и крупнейшими социальными переменами, совершенно изменившими весь характер общественного строя.

Германцы, как мы видели при анализе свидетельств Тацита, стояли еще на доклассовой ступени развития общества, но у них началось образование классов, начала выделяться аристократия, начало образовываться государство, постоянная королевская власть, собрания магнатов, которые решают важнейшие дела. Появляется и эксплоатация людей в виде рабства. Мы отмечали феодальные черты в связи с тем, что рабы обычно сажались на землю. Конечно были рабы, которые эксплоатировались и в домашнем хозяйстве. Но основная масса германцев была свободна. Родовой строй продолжал существовать, несмотря на то, что он постепенно падал, раздагался под влиянием роста новой группировки общества. Затем мы видим господство общины, так называемой марки. Это были отличительные черты племен, которые появились на территории Римской Империи.

Все это оказало сильное воздействие на строй того общества, которое было подчинено рабовладельческому способу производства. Нам надо рассмотреть, какое влияние оказало занятие германцами территории Римской Империи на население Рима, с другой стороны, какое влияние это соприкосновение с Римской Империей оказало на самих германцев; и в том и в другом случае

мы имеем дело с крупнейшими переменами.

Германское завоевание развязывало революцию рабов и колонов на территории Римской Империи. Там, где появляются германские завоеватели, немедленно вспыхивают или усиливаются крестьянские восстания. Германцы разбивали и старое римское землевладение, и политический аппарат, и налоговую систему, которая тяжелым грузом лежала на всем населении.

Вот характерные свидетельства некоторых писателей V столетия Сальвиана, Орозия, Павлина. Они говорят, что по словам самого же римского населения ему лучше жилось под властью германцев, чем под властью римлян, что римское население бежит к готам, к франкам, стремясь уйти от непосильных притеснений чиновников, сборщиков податей, помещиков. Сальвиан прямо говорит, что римляне в занятых германцами областях ничего так не боялись, как опять оказаться под властью империи. Словом, для трудящихся классов римского населения германские завоевания связывались с теми революциями, которые ниспровергали и рабовладельческое государство и господство рабовладельческого способа производства. Конечно, было бы нелепостью думать, что рабовладельческий способ производства был исключительно господствующим в Римской Империи до момента германских завоеваний, а затем сразу был сменен другим способом производства, феодальным. Мы видели длительный процесс разложения рабовладельческого общества, длительный процесс назревания феодальных отношений в его среде. Но в основном все же рабовладельческий способ производства сохранился в Римской Империи до самого ее падения, и только после падения Римской Империи окончательно стал развиваться новый феодальный способ производства.

- - - - 0 - - - -

Л Е К Ц И И VIII и IX.

Варварские государства, образовавшиеся на территории Римской Империи, были весьма недолговечны. Они быстро возникали и также быстро распадались. Границы, которые установились к концу V века, несколько изменяются и упрощаются к концу VI века. В VI веке мы видим новый фактор-быстрый рост государства франков. Франки захватывают область почти всей Галлии, они отнимают галльские владения у вестготов, покоряют государство бургундов. Примерно к 30 г.г. VI столетия мы видим такое географическое распределение на карте Западной Европы: Италию занимает государство остготов, Испанию-государство вестготов. Свевское государство здесь исчезает. Галлию и прилегающую часть Германии занимает государство франков. Затем в Англии или в Британии мы видим ряд государств англо-саксов, которые постепенно оттесняются на север и запад Британии. На севере Африки мы видим государство вандалов. В дальнейшем мы увидим еще новые перемещения. В VI веке государство остготов/535-555г.г. было завоевано Восточной Римской Империей-Византией. Но это завоевание продолжается только до 568 года. В этом году Италия подвергается новому завоеванию-лангобардов, которые захватывают большую часть Италии, оставив Византии Равенну, Рим с прилегающими округами и Неаполь. Таким образом Римская Империя перестает существовать, распадаясь на ряд варварских королевств.

Теперь нам надо посмотреть, что представляли собой эти завоевания с социальной точки зрения, какие перемены внесли эти завоевания в общественный строй римлян и германцев. Я уже давал некоторую общую характеристику этим переменам. Я ее повторю, а затем мы рассмотрим на конкретном примере истории отдельных варварских королевств, в чем заключались эти социальные сдвиги.

Если мы перейдем к рассмотрению истории самого завоевания, истории расселения германцев на территории Римской Империи, то нам станет прежде всего ясна тесная связь этого завоевания с революцией рабов и колонов. В сущности говоря, все это завоевание стало возможным лишь благодаря этой революции рабов и колонов. Восставшие рабы и колоны бежали к германцам и составляли их военное подкрепление. Революция рабов и колонов облегчила германцам завоевание, продвижение вперед. Этот союз восставших с варварами был продиктован тем общественным строем, который господствовал в то время у германцев.

Нам уже приходилось раньше, выясняя общественный строй германцев, указывать на то, что германцы находились на стадии перехода от докласссового общества к классовому. Государственное образование находилось лишь в зачаточном состоянии. Не было сколько-нибудь развитой податной системы. Классовое расслоение находилось еще на начальной ступени своего развития. Правда, уже была аристократия, были рабы, была эксплоатация этих рабов, но все же основную массу германцев составляли простые, свободные крестьяне-воины, организованные в родовую общину. Эта родовая община уже разлагалась, в ней уже выделялась родовая знать, но все же родовая община в основном еще определяла общественный строй германцев. Это и делало их союзниками рабов и колонов. Рабы и колоны видели в германцах естественных союзников в борьбе с римским рабовладельческим государством. Та община, которую внесли германцы в строй западной Европы, свободная германская община/ я оговариваюсь опять-таки, что когда я говорю о германцах, о германской общине и т.п., я здесь не хочу говорить о каких-то национальных, расовых особенностях германцев, я говорю о германцах, как о ряде племен, стоявших на определенной ступени общественного развития/ этот общественный строй германцев так или иначе делал их союзниками рабов и колонов. Рабы и колоны поддерживают германцев, рабы и колоны отворяют ворота городов германским завоевателям.

Не всегда эта политика германцев по отношению к рабам и колонам была политикой союзников. Германцы здесь не ставили себе никаких определенных социальных задач.

Отношение их к рабам и колонам постепенно изменяется в процессе завоеваний. С одной стороны, революция рабов и колонов в связи с германскими завоеваниями является лишь другой стороной германских завоеваний, поскольку революция сделала возможными эти завоевания, с другой стороны, эти завоевания развязали революцию в империи. Но завоевания произвели крупнейшие перестройки в общественном строе и самих германцев. У германцев явились зачатки аристократии, которую усиливали моменты завоеваний. Уже во время Тацита земля делилась сообразно достоинию: *secundum dignationem*. Во время разделов захваченных у Рима земель, когда пел вопрос о разделе огромных территорий, это неравенство выступает еще более ярко. Королевская власть в эпоху захвата Римской Империи чрезвычайно усиливается, делается органом аристократии и фактором, создающим отчасти эту аристократию из элементов приближенных к королю дружин. Король раздает своим дружинам огромные земли-императорские и казенные, которые попадают в его руки. Затем, поселение на римской территории приводит к быстрому разложению

германской родовой общины. Надо сказать, что в некоторых территориях, именно в южных территориях, у вестготов, у бургундов, у Одоакра, у остготов поселения эти происходили среди преобладающего римского населения. Каждый отдельный германец получал в качестве своего сотоварища какого-нибудь римского владельца, который должен был уступить ему одну треть своих доходов. Потом это привело к разделу земли. Земля была разделена таким образом, что каждый германец получил одну треть. Затем был новый передел. Самый процесс расселения среди римлян разлагал прежний общинный порядок, прежнюю родовую общину, которая теперь заменяется общиной соседской. Род, который раньше составлял основу общинной организации, все более и более слабеет и падает. В южных областях Римской Империи германцы подвергаются воздействию римских порядков, совершается переход от общественной собственности к частной собственности. Пахотная земля, леса и т.д. становятся частной собственностью. Начинается переход земли из рук в руки. Эта земельная частная собственность прежде всего образуется на земле крупных землевладельцев. Все это вносит крупные перемены в общинный строй германцев, все это ослабляет элементы демократического строя в политической жизни германцев.

Прежние народные сходки отходят совершенно на задний план. Самый факт занятия германцами территории Римской Империи, расселения среди римлян, по крайней мере в этих южных областях Римской Империи, в южной Галлии, Испании и Италии, привел к быстрой аристократизации германского общества, к быстрому росту господствующего класса, крупного землевладения, к разложению родовой общины, которая была главным охранителем, главной защитой для массы германцев, и к разложению массы германских воинов на землевладельческую аристократию, с одной стороны, и на крестьянство - с другой, крестьянство, которое быстро начинает подпадать под власть крупного землевладения. Этот процесс мы подробно рассмотрим в дальнейшем.

Вот в самых общих чертах те перемены, которые произошли в римском и германском обществе в то время. К чему они в основном сводятся? Германское завоевание, имевшее место вместе с революцией рабов и колонов, разбило окончательно римское рабовладельческое государство. Прежний способ эксплоатации, охранявшийся этим государством, погиб вместе с этим государством. В этом смысле германское завоевание, именно в силу того, что германцы стояли на определенной ступени общественного развития, принесло несомненно в основном некоторое об-

легчение массам трудящихся в Римской империи. Прежнее рабовладельческое хозяйство стало уже невозможным.

Что же касается германцев, то здесь мы видим опять-таки, что массы свободных германцев, которые прежде были организованы в родовые общины, все больше и больше начинают подпадать под власть чрезвычайно усилившейся земельной аристократии. Завоевание, которое мы опять-таки рассматриваем в связи с революцией рабов в союзе с колонами, положило конец и античному обществу и античной рабовладельческой эксплоатации, а с другой стороны, положило конец доклассовому обществу древних германцев и открыло новую эпоху, эпоху уже феодальной формации. Феодализм зарождался, созревал до известной степени и в рабовладельческом обществе Рима и в доклассовом обществе германцев, но только после революции и связанного с ней германского завоевания он стал господствующей общественной формацией.

Я рассматрю теперь общественный строй отдельных варварских королевств. Общественные отношения сложились несовсем по-одинаковому в разных странах, входивших прежде в состав Римской империи. Это зависело от целого ряда условий, прежде всего от соотношения римского и германского элемента в той или иной стране. В южных областях, в Галлии, Испании и Италии, германские завоеватели составляли меньшинство населения. Эти южные области империи были наиболее культурными, наиболее экономически развитыми областями империи. Здесь влияние римской экономики, римских юридических отношений и социальных порядков было особенно сильно, и особенно сильно мы видим здесь процесс разложения строя доклассовых отношений у германцев. С другой стороны, если мы посмотрим на северную Галлию, где влияние римских порядков, римского рабовладельческого строя было сравнительно слабо, где германцы не были завоевателями, а где они вели широкую колонизацию, где они отчасти вытеснят, отчасти подчинят себе местное население, там общественный строй гораздо больше приближается к тому, который был описан Тацитом, там дольше держатся те особенности, которые мы отмечали у германцев раньше. Пережитки античной формации гораздо более сильно сказываются на юге, а на севере гораздо сильнее сказываются пережитки доклассового общества древних германцев.

Я уже указывал, что самое начало вестготских завоеваний представляет собой революцию- восстание. Это не есть вторжение извне. Вестготы сначала поселились на территории Римской Империи, как дополнительные войска, потом они восстали в результате попытки превратить их в рабов и колонов. Это восстание было направлено против господствовавшего в Римской Империи рабовладельческого способа производства и системы колоната. Восстание вестготов послужило сигналом

к всеобщему восстанию рабов во всех придунайских провинциях. Трудность подавления восстания вестготов была связана с тем, что их поддерживали трудящиеся классы, рабы и колоны, в первую очередь. Во время восстания, связанного с именем Алариха, около 40 тысяч рабов перешли из поместий своих господ в его лагерь. Аларих, как одно из проявлений своей вражды к римскому императору, освободил рабов варварского происхождения. Рабы открыли Алариху ворота Рима. Восстание рабов выступает в тесной связи с нашествием вестготов. Когда вестготы окончательно оседают в южной Галлии, рабы и колоны встречают их, как своих избавителей.

Современные писатели утверждают, что римлянам, т.е. конечно, трудящимся классам среди римлян, жилось лучше под властью вестготов, чем под властью римлян. Из областей, которые еще остаются под властью римлян, рабы и колоны бегут в земли, занятые вестготами. При завоевании Испании, начавшемся со второй четверти V столетия, вестготы опираются на восстания богаудов, на восстания крестьян-колонов и рабов в Испании. Вместе со свевами, которые раньше туда проникли и завоевания которых тоже связывались с восстаниями рабов и колонов, с богаудским движением, вестготы ведут борьбу с римским государством, т.е. с римским крупным землевладением в Испании. В 415 г. в южной Галлии, когда вестготам приходится особенно плохо в это борьбе с Римом, они в союзе с рабами и колонами производят повидимому террористическое избиение римских крупных землевладельцев.

Но само завоевание и расселение вестготов на территории Римской империи вызывает значительные перемены в их социальном строе. Прежде всего вестготы захватывали определенные территории для раздачи земли.

Сначала была занята треть земли, затем другая треть в южной Галлии. Земли брались главным образом у крупных землевладельцев. Затем конфисковывались императорские земли и земли, лежащие впусте. Мелкое землевладение пострадало от этого захвата незначительно.

В результате земельных раздач возрастает классовая дифференциация в вестготском обществе. У вестготов была аристократия, существовала родовая знать, но в результате передела земель произошло значительное усиление королевской власти и возглавляемой этой королевской властью аристократии. Король все больше и больше превращается из военного предводителя прежнего времени в главу землевладельческой аристократии. Те огромные земли, которые попадают в его руки, он раздает своим дружинникам, усиливая таким образом аристократию и создавая слой новой аристократии-служилой аристократии. В результате этого изменяется и отношение вестготов к революциям рабов и колонов. Ис-

пользовавши это движение для своих завоеваний, выступая сначала в качестве союзников восставших рабов и колонов в борьбе с римским рабовладельческим государством, которое старалось их порабощать, вестготы начинают теперь менять свое прежнее отношение к восстаниям рабов и колонов. Пример-всеобщее восстание рабов и колонов в Южной Галлии в 435г., которое потом распространилось на Италию. Еще в 430г. восстание рабов и колонов, правда, в северо-восточных областях, было использовано вестготами в целях новых территориальных захватов. В то время они занимали только юго-западную Галлию и хотели расширить свои владения на юго-восточную Галлию, провинцию Аквитанию. Но в 435г. хотя восстание было направлено против остатков римского землевладения, вестготы, среди которых многие были наследниками этого римского землевладения, выступают уже против восстания багаудов и подавляют его. Багауды возлагают теперь свои надежды уже не на вестготов, а на гуннов, которые к этому времени создали сильное государство на среднем Дунае. И когда римская рабовладельческая империя начинает борьбу с гуннами, вестготы становятся на сторону римлян. Знаменита Каталаунская битва в 451 г. была выиграна главным образом благодаря вестготам. Вскоре после нее, в 454г. мы видим новое восстание багаудов, которое опять подавляется вестготами. Таким образом, сравнительно быстрый рост классового общества у вестготов, отслоение крупной землевладельческой знати в результате оккупации империи совершенно изменяет весь характер их политики. Выступая как союзники рабов и колонов, вестготы вышли из процесса образования государства, как аристократическое общество, взявшее в свои руки классовой власти, совершенно непохожее на все то, что мы видим у них до завоевания ими Римской Империи. Расселение вестготов среди римского населения должно было совершенно разложить прежние родовые и общинные отношения. Правда, расселение было не везде одинаковым. Мы видим целые деревни чисто вестготские, в которых несомненно существовали и общинные порядки, но такого рода порядки тоже подвергались значительному влиянию со стороны того строя, который вестготы застали у римлян. Прежде всего, раздел производился не поровну: целые крупные поместья с рабами и колонами переходили в руки крупных вестготских землевладельцев. Ясно, что в такого рода поместьях трудно говорить о господстве общинных порядков. Здесь, правда, в измененной, вероятно более грубой, форме воспроизводились те порядки, которые до известной степени установились уже к концу Римской Империи. Рабовладение исчезло или значительно ослабело, но порядок эксплоатации при помощи колонов, крепостных, которые несут оброк

и барщину, здесь сохранился. Итак, во-первых, вестготами наследуется крупное римское поместье в форме феодального поместья. Но наряду с этим существует и чисто вестготская деревня с общинным строем, который, однако, тоже подвергается быстрому разложению. У вестготов еще существовал родовой строй, так называемая "зиппа", то же самое, что современное немецкое "зиппе". Она сохраняется, как определенное учреждение, сохраняются в общностях вестготских поселений и такие следы общины, как например, общее пастбище, которое остается в общем пользовании деревни; затем мы видим иногда общее семейное пользование землей. И в законах вестготов, которые возникают в начале У века, есть еще следы этого родового строя. Итак, поселение среди римлян и те крупные перемены, которые произошли в вестготском строе со времени этого переселения и расселения, влияние римских порядков, где существовала полная частная собственность на землю - все это быстро разложило вестготскую общину. Но целый ряд пережитков еще сохраняется. Те участки, которые получили отдельные вестготские воины, поселившиеся на территории империи, назывались "сортес", т.е. наделы. Они сначала были неотчуждаемы. Вестгот, получивший такой надел, мог произвести отчуждение лишь с согласия всех членов деревенской общины, соседей. Но уже в У веке это правило исчезает; "сортес" начинают постепенно переходить в частную собственость отдельных германских воинов, получивших их в качестве наделов. Они продаются, передаются в наследство, меняются, одним словом, происходит то, что можно назвать мобилизацией земли. В многочисленных грамотах того времени, а также в сборниках формул, в которых имеются образцы, как надо составлять грамоты, мы имеем постоянные упоминания о передаче земли, о продаже земли, об отчуждении, словом, здесь начинается частная собственность на землю, свободный переход земельного надела из рук в руки. В связи с этим происходит, конечно, и классовая дифференциация в вестготском обществе. Эта классовая дифференциация была уже резко проведена во время наделения землей. Теперь с усилением частной собственности на землю, она проходит глубже. Более зажиточные скупают земли у бедных, часть вестготов разоряется, те элементы, которые не в состоянии вести самостоятельное хозяйство, начинают попадать в хозяйственную зависимость от крупных землевладельцев. Старые римские формы аренды заменяются прекарием, при котором землевладелец отдавал землю в аренду на определенный срок за отбывание тех или иных повинностей, причем имел право потребовать землю обратно. Подобного рода прекарные отношения начинают возникать у обедневших вестготов. Таким образом, среди вестготского населения к концу У века мы видим сильное классовое расслоение. Оно очень четко отразилось в

законах короля Эриха, который был королем с 466 по 484 г. Около 475 г. Эрих кодифицировал готские законы. Эта кодификация носит тот же характер, что и большинство германских "правд". Это первая кодификация германского права среди племен, поселившихся на территории Римской Империи. В этой записи мы видим сильное классовое расслоение, наличие рабов и колонов, а также свободных, которые держат землю от знатных вестготов. Значительная часть вестготов представляет собой зависимых крестьян. Но в то же время эти законы показывают нам, что поселение вестготов на территории Римской Империи и та революция рабов, которой сопровождалось это поселение, покончили со старым рабовладельческим обществом: положение рабов, о которых еще упоминается, стало совершенно иным.

Прежде всего, раб теперь уже, как правило, сидит на земле, за рабом признаются известные личные права. Положение раба в вестготском обществе совершенно не то, каким оно было в Римской Империи. Раб берется до известной степени под защиту закона. Если, например, раб подвергается несправедливому телесному наказанию со стороны господина, то это является уже основанием для освобождения раба. Затем запрещается всякого рода насильственное закрепощение, устанавливается давность в 30 лет, т.е. если раб в течение 30 лет в силу тех или иных обстоятельств не состоит под властью господина, скажем, уходит от господина на это время, то он уже тем самым освобождается. Другими словами, в этих законах заметно отражение общего улучшения положения рабов и общего ухудшения положения вестготских масс. Завоевание создает новые общественные формы, в которых преобладающим моментом является уже не рабовладение, а феодальная эксплоатация, принимающая все же более мягкие формы, чем те, которые были известны в поздней Римской Империи. Рабы еще в одном отношении становятся наряду со свободными - они привлекаются к военной службе. Правда, они здесь выступают в качестве подсобных отрядов при своих хозяевах, но все же на них вестготское государство рассчитывает, как на определенную военную силу.

Этим об"ясняется то обстоятельство, что по мере того, как крепнет вестготское государство при Эрихе оно стало уже окончательно независимым от Рима, мы не встречаем уже упоминаний о новых восстаниях рабов и колонов, о восстаниях багаудов. Конечно, классовая борьба не прекращается, но основание вестготского государства и изменение тяжелой эксплоатации, которой подвергались рабы и колоны в поздней Римской Империи, до известной степени смягчили, хотя бы временно, классовую борьбу.

С переменами, которые происходили в обществе вестготов, связывается еще один момент - изменение в отно-

шении галло-римской знати. Я указывал, что вестготы вначале громили ее в союзе с рабами и колонами; мы видели, насколько враждебные отношения существовали вначале между вестготами и галло-римской знатью; мы видели, какое отчаяние переживал писатель V века, епископ Клермонский Сидоний Аполлинарий по поводу нашествия вестготов и крушения римского владычества. Но по мере того, как начинает крепнуть аристократия у вестготов, меняется и их отношение к галло-римской знати. Значительная часть галло-римской аристократии была разгромлена и разорена, земли их были отобраны. Но не сплошь и не везде вестготы проводили этот политический террор; был целый ряд областей, где раздел земель не произошел, где население просто должно было платить известную дань вестготам, где в большей степени сохранились эти крупные римские землевладения. Здесь отношение вестготов к галло-римской знати делается примирительным. Тот же самый Сидоний Аполлинарий начинает смотреть на вестготов, как на охранителей остатков римской культуры от нападений других варваров. Вестготские короли издают особый сборник законов специально для римлян, так называемый *lex romana visigotorum*.

Он представляет собой известное упрощение старого римского законодательства, приспособление его к тем новым условиям, которые установились на территории вестготского государства. При этом замечательно, что в этом законе подвергаются права крупных землевладельцев по отношению к сельскому населению. Стало быть, прежние отношения к римскому землевладению во второй половине V века успевают значительно измениться. Создается аристократическое феодальное государство, в котором рядом с вестготским крупным землевладением играют роль остатки прежнего римского землевладения. Конечно, это землевладение выступает перед нами с новой характеристикой. Элементы рабовладения здесь исчезают вместе с римским государством, которое стояло на страже прежнего рабовладения, налоговая система отчасти уцелела, но она имеет силу только в отношении к римскому населению и представляет собой лишь обломки прежней, которые уже не так тяжело падают на трудящиеся классы. Вестготы уже не были свободны от налогов и не представляли собой привилегированной части населения. Таким образом, в этом аристократическом государстве мы видим существование римских и вестготских порядков в очень сложном взаимодействии. Римские порядки, хотя и разбитые революцией, все-таки оказывают значительное воздействие на общественный строй вестготов. Но такого рода порядки таили в себе целый ряд противоречий. Прежде всего мы видим взаимную борьбу римского и вестготского землевладения. Несмотря на то, что вестготы в известной степени изменили свое отно-

шение к римскому землевладению, несмотря на то, что они подтвердили права римских землевладельцев на зависимое положение рабов и колонов, тем не менее борьба продолжается. Одним из поводов этой борьбы является привилегированное положение вестготского крупного землевладения, которое было свободно от всякого рода налогов. Вестготы держатся обособленно, как завоеватели. Для римлян существует особая правительственная система, сохраняются хотя бы под прежними названиями должностные лица римского государства, хотя функции их значительно изменяются, сохраняются римские налоги. Устанавливается правило, что между римлянами и вестготами не могут заключаться браки. Было как бы два разных общества, стоящих отдельно друг от друга. Римляне и вестготы жили по разным законам, у римлян был свой

Lex romana, у вестготов своя вестготская "правда". Моментом, разделявшим вестготов и римлян, явилась также и религия. Я уже указывал на то, что готы приняли христианство не по господствовавшему в Римской Империи православно-католическому обряду, а по арианскому. Свое арианство вестготы сохранили и после завоевания Римской Империи. На этой почве возникла борьба, связанная с недоброжелательностью римского духовенства по отношению к вестготам. Духовенство ведет пропаганду против вестготов и нередко при этом старается возбудить против них недовольство демократических слоев римского населения. В результате, непрерывные внутренние столкновения, которые привели скоро к крупным территориальным потерям. В 507г. вестготы потеряли большую часть своих владений в Галлии, за исключением сравнительно небольшой области Септимании, которые были завоеваны франками, причем франки в данном случае опирались на влияние православно-католического духовенства, поскольку сами франки/это был очень искусный политический ход их вождя Хлодвига/ приняли христианство как раз по католическому обряду и заручились содействием католического духовенства. Притом внутренние столкновения среди вестготов привели к тому, что вестготы не могли оказать должного сопротивления франкам. Таким образом, размеры вестготского государства ограничились одной Испанией. Крайний северо-запад Испании был еще занят государством свевов, которые там существовали с конца V1 века, но большая часть Испании принадлежит теперь вестготскому государству со столицей в Толедо. В этом испанском вестготском государстве продолжались все те процессы, о которых я говорил: процесс аристократизации, развитие частной собственности, усиление королевской

власти и аристократического политического строя. Различие, которое существовало между вестготами и римлянами, постепенно сглаживается в процессе постепенного развития вестготского государства. Прежде всего исчезает обычай запрета брачных союзов между римлянами и вестготами. Противоречия, вытекающие из различия вероисповеданий, также исчезают в конце VI столетия. Вестготские короли принимают католическую религию, и католическая церковь начинает играть крупнейшую роль в вестготском королевстве. Что означал этот процесс, в частности, принятие вестготами католичества? Он ясно указывал на рост классовой дифференциации у вестготов, на усиление влияния готской аристократии, на окончательное сглаживание тех противоречий, которые существовали между вестготами и римлянами, указывал на слияние этих аристократий - вестготской и римской. В то же время мы видим огромное влияние римской культуры, особенно римской церкви на вестготскую аристократию, на образование, литературу, язык вестготов. Вестготское население постепенно теряет свой язык и принимает латинский язык, который был языком культуры и государства. У вестготов все их законы, все их делопроизводство ведется на латинском языке. Часть вестготского населения, которая растворена в более многочисленном римском населении, постепенно теряет свой прежний язык. Происходит процесс романизации вестготов. Церковь делается сильнейшим орудием в руках государства и в руках господствующего класса. Это сказывается, между прочим, на том, что усиливается мобилизация земель, т.е. отчуждение земли, особенно в пользу церкви.

После того, как вестготские короли приняли католичество и сделали церковь римской аристократии своей церковью, они всячески покровительствовали церковному землевладению. Церковь, как крупнейший землевладелец, являлась главным скупщиком земель. Церковь старается всячески воздействовать на крупных землевладельцев, чтобы они составляли всякого рода завещания и дарения в пользу церкви. Для мелких землевладельцев церковь являлась своего рода патроном, брала их под свое покровительство, и этот патронат оплачивался обычно именно тем, что мелкие землевладельцы отдавали свои земли церкви и получали их обратно уже в виде держания.

В дальнейшем мы видим все большую и большую концентрацию земель в немногих руках, в руках крупной землевладельческой аристократии и в руках церкви. Масса населения как римского, так и вестготского попадает все больше и больше в зависимость от крупного землевладения.

Я не буду сейчас входить в детали, поскольку мы с ними будем знакомиться на другом конкретном примере.

на примере франкского общества. Всюду это явление протекало, примерно, в одних и тех же очертаниях, принимало в основном характер подчинения широких масс народа земледельческой аристократии как военной, так и духовной, с другой стороны, принимало характер все большего и большего усиления политического влияния земледельческой аристократии. Те народные собрания, которые когда-то у вестготов играли огромную роль – на таком народном собрании Аларих был выбран королем, – уже отходят на второй план после завоевания вестготами Галлии, а тем более в испанском королевстве. Вся власть переходит в руки собраний аристократии в Толедо, которые являются теперь главным законодательным органом в вестготском государстве.

Вестготское государство просуществовало до начала УШ века. Между 711 и 713 г. оно было завоевано арабами. Рост земельной аристократии, рост политической власти крупной земельной аристократии, та классовая борьба, которая возникла на почве роста этой аристократии, затем отчасти национальная борьба, религиозности, преследования иноверцев католической церковью, преследования евреев – все это содействовало внутренней слабости готского государства, которое не могло оказать решительного противодействия арабам и было завоевано в очень короткий срок. Только в северной окраине Испании, в Астурии сохраняется еще независимое княжество вестготское, которое сливается уже с местным римским населением, и самое имя вестготов с начала УП столетия исчезает из истории.

Некоторое сходство с историей вестготов можно наблюдать на примере остготского государства, история которого была еще короче, чем история государства вестготов. Я остановлюсь бегло на судьбах тех государств, которые сменялись на территории Италии. Первым варварским государством здесь было государство Одоакра, которое было основано в 476г. Государство Одоакра было основано не каким-нибудь одним германским племенем. Германская дружина была на службе у Рима, и Одоакр был только вождем этой дружины. Он произвел то, что обычно производилось при подобного рода оккупациях, он произвел выделение одной трети римских земель в пользу своих дружинников. Дружина Одоакра была сравнительно немногочисленна, и одна треть розданной земли была вовсе не одной третью всей Италии. При этом раздача производилась не поровну, а по принципу *secundum dignationem*.

Приближенные Одоакра, его непосредственная дружина, получили больше, чем простые воины, входившие в состав войска Одоакра. Затем государство Одоакра было завоевано остготами. Завоевание остготов тоже

начинается с восстания. Остготы после падения государства Аттилы были поселены в восточной части Римской империи. Там скоро среди них начинаются восстания, вызванные приблизительно теми же причинами, как и восстания вестготов. Императоры Восточно-Римской империи направляют движение остготов в Италию. В ряде столкновений с Одоакром остготы в 493г. захватывают Италию. Затем король Теодорих делается королем Италии, принимает титул короля Италии, титул rex gotorum et italorum- короля готов и короля италиков. Он признает верховенство императора Восточной Римской Империи, но это признание чисто номинальное. Теодориху приходится не однажды выступать против Восточной Римской империи, которая тоже стремится захватить Италию в свои руки. Оккупация Италии остготами началась тоже с дележа и выделения одной трети земли. Часть оккупации была заменена налогами, часть земли была занята прямым захватом одной трети земли. Кроме того, римские землевладельцы тех областей, которые не подверглись переделу, должны были уплачивать одну треть доходов остготам. Остготам принадлежало исключительное право ношения оружия. Теодорих долгое время жил в Византии, в Константинополе и был большим ценителем и поклонником римской культуры, хотя сам мало вкусил от этой культуры; его дочь была известная писательница на латинском языке, она даже перевела "Энеиду" Виргилия с латинского языка на греческий, но сам он не мог подписать своего имени, не умел читать. Собственно говоря, эта высокая оценка римской культуры связывалась со стремлением опереться против своих же остготов на римское население, особенно на римскую аристократию. Поэтому Теодорих относился с большой предупредительностью к римской аристократии, видел в ней одну из опор своего господства. Если остготам было предоставлено нести военную службу, то администрация набиралась из римлян. Теодорих стремился сохранить старые римские порядки в области управления римским населением, а равным образом старался сохранить и прежние порядки финансовые, сохранить старые налоги. Здесь мы видим своеобразную систему, по которой остготское и римское население составляли как бы два отдельных государства. У вестготов не наблюдалось такого явления. Римляне и вестготы были отделены друг от друга и особыми законами и запрещением смешанных браков, затем привилегированным положением, в котором находились вестготы в смысле уплаты налогов. Теодорих сделал попытку подчинить остготов, обложить их податями, но из этого ничего не вышло, остготы отказались платить налоги и подати и сох-

ранили в этом отношении независимое положение. В остготском государстве разделение земель между остготами и римлянами произошло так же неравномерно, как это происходило в государстве вестготов. Мы здесь также видим раздел secundum dignationem.

Процесс расселения остготов на территории Римской Империи тоже вызывает дальнейшее распадение родовых связей, существовавших у остготов. Это связано также и с разложением элементов рода и общинного строя у остготов. Остготский род-фара выступает в законах остготов, но он уже в процессе распада.

Остготское население делится на potentiores, honestiores, т.е. более могущественные, более почтенные, и на humiliores, т.е. низших.

Быстро образуется крупная аристократия и среди остготов. Есть у них и колоны. Словом, те процессы, которые мы наблюдали при переселении вестготов - неравномерность распределения земли и образование аристократии - с полной отчетливостью выступают и в государстве остготов. Правда, мы видим некоторые попытки смягчить положение рабов и колонов, но эти же попытки мне приходилось отмечать и в государстве вестготов. Надо отметить, что те улучшения, которые произошли в положении рабов и колонов в это время, были затем отменены после завоевания остготского государства Восточно- Римской Империей. В 554 г., после завоевания остготского государства, специальной прагматической санкцией Юстиниан отменил все законы, упразднил крупное землевладение остготов и восстановил прежние права римского землевладения. В остготском государстве еще больше, чем в вестготском, имелись налицо противоречия, которые связаны с борьбой германского крупного землевладения. Они осложнились социальными потрясениями, не прекратившимися после германского завоевания, несмотря на известные улучшения в положении рабов и колонов. Римское землевладение, отчасти и новое германское землевладение, ставшее наследником римского крупного землевладения, попрежнему тяжело ложилось на трудящиеся классы. То обстоятельство, что остготские короли продолжали взыскивать налоги среди римского населения, вызывало волнения среди трудящихся классов. Мы видим непрерывные столкновения между римской и германской аристократией. Движение трудящихся направлено против господствующего класса, безразлично, к какой бы национальности этот господствующий класс ни принадлежал. Затем мы видим нежелание остготов подчиняться тому государст -

венному режиму, которому их хотел подвергнуть тот же Теодорих в связи с распространением налогового бремени и административной системы. Наконец, мы видим недовольство самих римских землевладельцев, хотя Теодорих и старался опираться на римское крупное землевладение. Это вызывалось прежде всего тем, что римское крупное землевладение сильно пострадало, потеряв одну треть земли и будучи принуждено вносить налоги даже в тех случаях, когда земля не была отнята. С другой стороны, известные ослабления, смягчения, которые были сделаны в положении рабов и колонов, также неблагоприятно отразились на интересах крупного римского землевладения.

Социальная борьба начинает сливаться с борьбой и политической и внешней. Момент слияния внутренних процессов в развитии римского и готского обществ с историей внешних завоеваний мне приходилось отмечать и раньше. В истории Италии это выступает в несколько ином аспекте.

Здесь крупнейшую роль играет история соседнего, непосредственно к ней примыкающего Восточного Римского государства. Когда мы говорим обо всех перемещениях, которые происходили на Западе, о распадении Западной Римской империи, мы не должны упускать из виду, что Восточная Римская Империя продолжает существовать, что в Восточной Римской империи устанавливается своеобразный общественный строй, который оказывает значительное влияние и на события на Западе. В то время, как на Западе происходят - революция рабов и германское завоевание, окончательная ликвидация рабовладельческого общества, установление нового феодального строя, на Востоке мы видим своеобразную консервацию тех порядков, которые установились в поздней Римской Империи. Там рабовладельческое производство сохраняется еще на долгие столетия, колонатные и рабские поместья времен Диоклетиана сохраняются примерно в том же виде и после того, как распадается Западная Римская Империя. Византийской империи удается отразить нападение германцев извне, подавить революции рабов и колонов изнутри. Значительно более высокая экономическая культура Восточной Империи, значительно более развитая здесь индустрия, значительная роль торгового капитала, товарного производства в сельском хозяйстве - все это давало Восточной империи гораздо более сильные государственные ресурсы, чем это было возможно в Западной империи. Верхи общества - крупное землевладение, затем представители торгового капитала, купечество - смыкаются крепко вокруг императорской власти для совместного подавления революций рабов и колонов и отражения германского завоевания. В результате, Византийская империя держится еще почти тысячу лет после распада Западно-Римской Империи. Она пережила

сто время очень много перемен и значительно сократилась территориально. Процесс, который в течение одного столетия положил конец Западной Римской Империи, выступает в Восточной Римской Империи, как процесс, затянувшийся на много столетий. Отсюда своеобразная реакционность Византии. Это было длительное разложение государства, которое не было обновлено, как Западная Римская Империя, а разлагалось и погибало в результате крайне длительного процесса. Но та эпоха, о которой мы сейчас говорим, еще не была эпохой разложения. Это было время расцвета Византии. В то время, как города Западной Римской Империи приходят в упадок, торговля замирает, Рим пустеет, прежнее население уменьшается во много раз, на востоке существуют богатые города-Византия, Александрия, Антиохия, которые являются крупнейшими центрами. Правда, они не так населены, как прежний Рим, но все же они исчисляют свое население сотнями тысяч. Византийская империя является в то же время центром надежд для старых рабовладельческих элементов на Западе. Крупные землевладельцы Запада и остатки старой римской императорской власти и рабовладельческого общества смотрят на Восток, как на своего рода опору . Туда обращаются взгляды всех римских землевладельцев, потерпевших от тех перемен, которые произошли на Западе и в вестготском государстве, и в государстве вандалов, и в государстве остготов. Римское землевладение и римское духовенство смотрят на Восточную Римскую Империю, как на свою опору и надежду. Крупные землевладельцы в остготском государстве устраивают заговоры, ведут всякого рода политические интриги с целью вызвать вооруженное вмешательство Восточно-Римской Империи в дела остготского королевства. Такого рода заговоры существовали уже во время Теодориха, первого остготского короля. Во время раскрытия одного из этих заговоров погиб знаменитый Боэций, крупный математик и философ своего времени, одновременно примыкавший к Теодориху и в то же время принимавший участие в заговорах, имевших целью вооруженное вмешательство Восточной Римской Империи в дела остготов. Вмешательство в дела западной империи имело место в царствование императора Юстиниана /527-565/, которое можно считать кульминационным пунктом могущества Византии. Юстиниан, отвечая тем надеждам, которые возлагались на Восточную Римскую империю со стороны Запада, начал завоевание Запада. При нем было в очень короткий срок покорено государство вандалов в северной Африке, при поддержке римского духовенства и остатков римского землевладения/ 534г./.

С 534г. до самого арабского завоевания северная Африка находится в руках византийцев. Затем наступил момент вмешательства во внутренние дела остготов. Завоевание остготского королевства очень затянулось. Остготам удалось организовать отчаянное сопротивление

особенно при помощи тех же рабов и колонов, которые в византийском завоевании совершенно справедливо видели восстановление прежних порядков, несмотря на то, что при остготах улучшение положения их было не столь уже велико. Но восстановление прежних порядков с их страшным налоговым процессом и восстановление прочих тяжелых повинностей грозило массам трудящихся, и сопротивление остготов затянулось надолго, завершившись только в 553г.

После покорения остготов Византией была издана специальная прагматическая санкция Юстиниана, уничтожавшая те облегчения, которые рабы и колоны получили во время господства остготов. Реставрация Римской империи, установление господства Восточной Римской Империи в Италии, была реставрацией и старого рабовладельческого общества.

Юстиниан делал попытки вмешательства и в дела вестготов, им были сделаны некоторые завоевания и на южной оконечности Пиренейского полуострова, но эти завоевания ограничивались лишь прибрежной полосой.

Такова была своеобразная реставрация Римской Империи в эпоху Юстиниана. Причина ее неполнота той революции, которая была произведена в римских областях, захваченных вестготами, остготами и вандалами. Сохранение здесь крупного римского землевладения содействовало внутренней слабости этих государств и возможности восстановления старых рабовладельческих порядков под эгидой Восточной Римской Империи.

Но и восстановление власти римского землевладения, власти Византии в Италии было недолговечно. Уже в 568 г. мы видим разгром восточно-римских владений в Италии новыми германскими племенами-лангобардами. В течение нескольких лет они захватили большую часть Италии, оставив в руках Византии лишь некоторые области по побережью Адриатического моря/Венеция и Равенна/, которые и раньше в эпоху остготов и до них, в эпоху поздней Римской Империи, были одним из важнейших политических центров империи. Фактически столица была перенесена из Рима в Равенну. Столицей остготского короля была также Равенна. После завоевания лангобардами Равенна с прилегающей областью осталась в руках Византии. За Византией оставались Рим, затем половина южной Италии-Неаполь с прилегающими областями, Сицилия, Корсика и Сардиния. Остальная Италия была покорена лангобардами.

О завоевании лангобардов у нас сохранилось сравнительно мало сведений. Памятников самого завоевания от VI века очень немного. Мы знаем о нем из более поздних источников, которые основываются на более ранних сведениях, но передают их в очень искаженном виде. В VII веке мы имеем историю

лангобардов, написанную лангобардом Павлом Дьяконом. О том, какие установились отношения между римским и германским населением, существует ряд теорий, в которых гипотетическая сторона преобладает над фактами. Прежде всего мы видим, что остготы не принимают никакого участия в новых делах. Они повидимому погибли в столкновениях, которые тогда имели место, часть они слились с местным населением, во всяком случае, как активная сила, при появлении лангобардов они не выступают. Лангобардов римские источники рисуют, как самых диких и свирепых германцев, но в то же время ясно выступает тот момент, что трудящееся население, рабы и колоны видели в лангобардах своих освободителей, т.е. здесь наблюдается тот же характерный момент, который мы видим в ряде других германских завоеваний.

-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0-

Л Е К Ц И Я X-ая.

Как поступили лангобарды с местным населением? На этот счет у нас нет точных сведений, большинство наших знаний о лангобардах исходит из более поздних источников, главным образом, УП века. То, что было в УI столетии, в 568 г. остается для нас недостаточно ясным. Имеется несколько теорий, которые взаимно исключают друг друга. Прежде всего-это теория всеобщего закрепощения всех римлян, теория, которая была выставлена немецкими исследователями Бруннером и Гартманом. Бруннер-крупнейший авторитет в области старо-германского права. Его" История германского права" является классической работой по истории юридических учреждений древних германцев, в частности, как раз по вопросу о древнем германском праве, т.е. о важнейших памятниках, имеющихся в нашем распоряжении. Гартман-не только историк, но и политический деятель, игравший известную роль в Австрии после мировой войны, примыкавший к социал-демократии, отчасти марксист, хотя едва ли его можно назвать вполне выдержанным марксистом. Он является крупнейшим авторитетом по ранней истории Италии. Они оба выдвинули ту точку зрения, что римское население целиком было превращено в крепостных, в так называемых альдиев /то, что у франков называлось литами/ и попало в положение полусвободных крестьян, крепостных.

Но большинство исследователей, прежде всего авторитетнейший исследователь истории латинских государств Виноградов/ ему принадлежит специальное исследование, посвященное развитию феодальных отношений в лангобардской Италии, написанное в 70-х г.г., но не утерявшее своего значения и до настоящего времени/, указывают на то, что лангобарды стояли еще не на той ступени хозяйственного развития, на которой было бы возможно такое закрепощение. Элементы классообразования в этом обществе еще не получили полного завершения, и всеобщее закрепощение было маловероятным. Дело обстояло, вероятно, так, что римлянам пришлось уступать часть своих земель и в тех случаях, когда земля не была отнята, платить известную дань, которая превращала их в данников, т.н. трибутариев. Гартман полагает, что все лангобарды после завоевания Италии превратились в мелких и крупных помещиков. Просто лангобарды стали здесь помещиками, эксплоатировавшими покоренное римское население. Есть основания думать, что это было не так, что лангобардскую массу составляли крестьяне; лангобарды принесли в Италию старые лангобардские учреждения, в том числе родовые отношения, общинные связи, но в то же время и некоторую классовую дифференциацию. Мы видим, что у лангобардов есть знать и люди менее состоятельные.

Лангобарды, поселяясь среди римского населения, принесли известные пережитки родового общинного строя, но все эти элементы быстро разлагаются под влиянием римских порядков, как и у вестготов. В законах лангобардского короля Ротари/около 693г./ мы видим определенные моменты разложения общинных отношений. Эти законы признают передачу земли церкви для спасения души, при этом без всякого обращения к общине за разрешением. Таким образом, здесь отсутствует момент вмешательства в дело передачи земли общины, поскольку верховная собственность на всю землю принадлежала общине. Несколько позже, в начале УШ века в законах короля Лиутпранда мы видим дальнейшее развитие римского влияния. В них нет уж ясного различия между лангобардами и римским населением. Те законы, которые соблюдались раньше в отношении запрещения смешанных браков между лангобардами и римлянами, отменяются, смешанные браки разрешаются.

Законодательство Лиутпранда носит в целом следы определенно выраженного римского влияния. Все население, как германцы, так и римляне, трактуется как подданные государства лангобардов. Среди них мы видим определенное социальное различие-знатных людей, людей среднего достатка, людей малого достатка, не считая альдиев и рабов, но разделения на римлян и лангобардов нет. Ясно, что лангобарды так же, как и вестготы, подверглись романизации. В УП веке религиозное различие между римлянами и лангобардами тоже исчезает, лангобардские короли принимают католичество.

Итак, в тех германских государствах, которые образовались на территории Римской Империи, в южной ее части - в Испании, южной Галлии и Италии, элементы родового общинного строя, которые были внесены германцами, сохранились лишь в некоторых пережитках; в основном устанавливается частная собственность и в связи с этим наблюдается быстрый рост земельной аристократии, быстрый рост классовой дифференциации и понижение социального уровня простых свободных германцев, которые смешиваются вообще с низшими слоями римского населения. В этих областях империи, таким образом, элементы разложения рабовладельческого строя оказали сильнейшее влияние на процесс разложения родовой общины германцев.

Иной характер носило развитие тех варварских королевств, где германские элементы перевешивают или где они представляют основное население. Образцом такого чисто германского развития мы можем считать развитие англо-саксов. Мне уже пришлось характеризовать завоевание англо-саксами римской провинции Британии. Прежде всего нужно отметить, что англо-саксам здесь даже не пришлось столкнуть-

ся с римлянами, поскольку Британия была эвакуирована римскими войсками еще в начале Vвека, откуда они были выведены для борьбы с Аларихом. Римские элементы в общественном строе Британии были сравнительно слабы. Римские поместья, римские виллы, возделываемые трудом рабов и колонов, не представляли характерного явления для Британии. Подобного рода виллы существовали в Британии, их развалины находят при археологических раскопках. Был там и ряд римских городов, но все это было расположено преимущественно в юго-восточной части Британии. В других областях Британии города носили главным образом характер военных укреплений. Большую часть острова заселяли кельтские племена, которые лишь в слабой степени подверглись влиянию римской культуры. В частности, под влиянием римлян они начали переходить от скотоводства к земледелию, но в основном британское население представляет собой общество, стоящее на сравнительно примитивной ступени развития. В нем еще сильны элементы пастбищного хозяйства, еще были определенно выраженные родовые отношения, хотя повидимому начался известный процесс феодализации. В общем, мы видим здесь тот своеобразный строй, который впоследствии получил название племенного строя, т.е. родового строя, в котором выделялась родовая аристократия в виде родовых кланов, причем этот строй имеет очень выработанную и сложную систему отношений между членами клана. Впрочем, все, что мы знаем о строе древних британцев, есть реконструкция более поздних данных, но во всяком случае мы имеем основание думать, что большая часть британцев была романизирована очень слабо. С середины V столетия в Британии начинается переселение северогерманских племен, которые жили в южной и в северо-западной Германии, в нынешних Голландии и Дании. Это-племена англо-саксов и ютов. Начиная с середины V столетия, эти племена захватывают восточную часть Британии и постепенно продвигаются на запад и на север, оттесняя в этом направлении британское население. Повидимому, те элементы римских порядков, которые существовали в Британии, ко времени эвакуации римских войск, в значительной степени были поколеблены уже в то время, которое протекало между началом и серединой V столетия, пока Британия была предоставлена сама себе. При германском завоевании эти римские порядки были опрокинуты окончательно. Тем не менее, имеется ряд теорий, которые стараются доказать прямую преемственность между римскими и германскими отношениями в Британии.

В частности, я упоминал уже не однажды теорию Допша, который как раз указывал на непрерывную

связь между римским и германским развитием, указывает, что германцы были преемниками римской культуры, продолжали ее развитие дальше. Допш применяет это и к Британии, он указывает на значительное влияние римлян на общественный строй англо-саксов, в частности, на англо-саксонский язык, на англо-саксонские юридические термины. Он указывает, что саксы и фризы, которые жили в непосредственной близости к римской границе, уже на своей родине должны были быть романизированы, а переселяясь в Британию и встречая там элементы римской культуры, они принимали ее, как нечто им знакомое, усваивали ее и продолжали ее развитие дальше.

Эту точку зрения, в несколько другой, правда, формулировке, дал еще несколько раньше Допш один из крупнейших исследователей английской аграрной истории Сибом. В своем знаменитом труде "Английская сельская община" он дает своеобразную картину общественного развития Англии. По его мнению, уже в эту эпоху установились все те социальные элементы, которые мы видим в развитии англии в более позднем средневековье. В частности, уже в эпоху Римской Империи там было феодальное поместье, притом связанное с общинным строем. По его мнению, крепостная община существует в Британии с римских времен, англо-саксы, поселяясь в Британии, усвоили эту старинную римскую крепостную общину, тем более, что элементы ее существовали и у них самих.

Эти взгляды Сибома, впоследствии развитые Допшем, оспариваются однако большинством исследователей, в частности, крупнейшим исследователем истории английских аграрных отношений Виноградовым. Виноградов в целом ряде своих исследований, из которых некоторые переведены на русский язык, как например, в " Исследованиях по социальной истории Англии в средние века" /эта работа издана еще в 60-м году, как опровержение теории Сибома/, затем в более поздней работе " Английское средневековое поместье", развивает ту мысль, что все элементы общественного римского строя, которые существовали до германского завоевания, были совершенно опрокинуты германцами, что тут мы имеем дальнейшее развитие тех отношений, которые были описаны, скажем, Цезарем и Тацитом, что здесь мы имеем германское развитие в наиболее чистой форме.

В своих более поздних работах Виноградов несколько изменил эту точку зрения. Он признает косвенное, второстепенное влияние римских порядков. Некоторые из новейших исследователей, например, американец Грей, который исследовал полевую систему в Англии, указывают на некоторые особенности восточной Англии, где мы видим своеобразное раз-

деление полей. Между прочим, мы видим здесь характерное для римских порядков деление не на отдельные поля, разбросанные по всем общинам, как в германских поселениях, а на более или менее компактные участки. Правда, и здесь существует чересполосица, но уже в результате отчуждения, в результате разделения между наследниками, так что эта чересполосица является более поздней. Грей рассматривает эту своеобразную конфигурацию полей в южной Англии, как остаток римских порядков. Но это вопрос чрезвычайно спорный. Все то, что мы знаем о дальнейшем развитии англо-саксов, свидетельствует о господстве германских элементов и о слабом влиянии римских элементов, если даже оно и было. При этом римское влияние носит более поздний характер. Англо-саксы во время завоевания ими Британии не были еще христианами. У них была еще древне-германская религия Вотана и других богов, но примерно с конца V столетия на севере Британии и в других областях Англии, особенно в южной Англии/с конца VI столетия/начинается христианизация, принятие христианства англо-саксонскими королями. С этим связано влияние римской культуры, которое сохранилось в некоторой степени в церкви. Во всяком случае, у нас есть все основания следовать за Виноградовым и другими, которые признают, что влияние римских элементов на общественный строй англо-саксов было чрезвычайно слабым. Также слабо было влияние и кельтских элементов, влияние местного британского населения. Завоевание германцев носило здесь очень длительный характер. Оно затянулось на ряд столетий, при этом оно носило кровавый характер. Местное население или истреблялось, или обращалось в рабство, или уходило от завоевателей на север и на запад. Таким образом, у нас есть основание думать, что здесь мы имеем германское развитие в весьма чистом его виде. Это видно хотя бы из того, что местные названия, названия деревенских поселений и в значительной степени названия городов, германские названия. Сравнительно небольшое количество старых римских поселений дали свои имена английским городам, немного среди них кельтских названий, в частности Лондон, повидимому, кельтского происхождения. Римляне называли Лондон-Лондони или Лондиниум, но это первоначальное кельтское название. Но в большей части Англии деревни носят германские названия. Повидимому, кельтское население было сравнительно слабо связано с землей, оно преимущественно было пастушеским, и отступ[illegible] на север и на запад, он[illegible] просто [illegible] заменялось германским населением. Здесь не было такого расселения германцев среди местного населения, которое мы видим в южных областях Римской Империи. Старые отношения начисто опрокидывались. Местное

британское, кельтское население, отчасти обращается в рабство, завоеванные британцы переходили на положение рабов или литов, полусвободных, которые у англо-саксов носили название не литов, а летов, либо они оттеснялись на север и на запад. В результате англо-саксонского завоевания кельтское население осталось только на самом севере теперешней Шотландии и на западе в Уэльсе и Корнуэльсе. Вначале западная часть Англии была занята еще независимыми британскими племенами, которые вели на границах упорную борьбу с продвигавшимися в эту сторону англо-саксами. Населению Уэльса удалось сохранить свою независимость до конца XIII столетия, и до сих пор еще Уэльс значительно отличается языком, общественным укладом, нравами и культурой от остальной Англии. В тех областях, которые были заняты англо-саксами, завоевание не носило такого характера, как завоевания остготов, вестготов, франков или лангобардов. Это не было завоевание, произведенное одним большим племенем под руководством одного вождя: завоевания шли постепенно, отдельными отрядами, небольшими группами, которые постепенно продвигались внутрь страны. В результате здесь образовался целый ряд мелких королевств. В VI веке мы видим семь главнейших королевств. Затем в течение VII века или даже во второй половине VII века остаются только три главных королевства: Нортумбрия на севере, Мерсия в центре Англии и Уэссекс на юге. Наконец в IX столетии все эти королевства сливаются в одно под главенством короля Уэссекса, короля южной Англии. Я бы хотел сейчас остановиться на характеристике того общественного строя, который установился у англо-саксов, и на эволюции этого строя. Мы видим у англо-саксов целый ряд учреждений, которые роднят их определенным образом с германскими учреждениями, существовавшими в эпоху Цезаря и Тацита. Когда я говорю о германских порядках, я прошу это не понимать в национальном и расистском смысле. Этот общественный строй у германцев возсоздается на основании ряда памятников. Такими памятниками являются и законы англо-саксов. Эти законы появляются в отдельных королевствах, на которые в то время распадалась Британия, или Англия, как мы ее можем называть после завоевания ее англо-саксами. Эти законы здесь появляются примерно около 600 г. Таковы законы кентского короля Этельберта. Кент/ юго-восточный угол Англии/ был колонизирован племенем ютов. В конце VI и в начале VII века он представлял собой самостоятельное королевство. Законы Этельберта являются древнейшим памятником англо-саксонского законодательства. Несколько позднее появляются законы Уэссекских королей. Древнейшими законами являются законы короля Ине/ около 600г./. Дальше мы видим целый ряд более поздних законов Мерсийских королей и королей Нортумбрии. По этим законам можно воссоздать общественный строй Англии в ту эпоху, но все же приходится прибегать и к методу ретроспективного заключения, т.е. на основе более поздних остатков заключать о строе англо-саксонского общества. Не прибегая к ретроспекции очень трудно

судить об эпохе, от которой сохранились очень незначительные сведения, потому что сведения летописцев, историков англо-саксов относятся уже к концу УП, началу УШ века. Знаменитая история Беды, источник христианской литературы на почве Англии, написана около 700 г. Но уже скудные косвенные данные позволяют нам судить о том, что у англо-саксов вскоре после поселения их на территории Британии было определенно выраженное классовое расслоение. Правда, основу этого общества все еще составляют простые свободные крестьяне-воины, которые носят общее название керлов, но рядом с этими керлами мы видим уже и родовую аристократию, так называемых эрлов, которые составляют верхушку общества. Кроме керлов и эрлов, мы видим еще литов, полусвободных, сидящих на чужой земле, и, наконец, рабов. Литы и рабы-главным образом британского происхождения, из покоренного местного населения, но есть и германцы. Классовое расслоение нашло отражение в известной системе вергельдов. Вергельд простого керла варьируется в отдельных англо-саксонских королевствах. В Уэссексе, наиболее сильном англо-саксонском королевстве, вергельд керла оценивается в 200 шиллингов, жизнь эрла оценивается в три раза дороже -600 шиллингов, всякого рода ущерб, причиненный эрлу, оценивается в два раза дороже, чем ущерб, причиненный керлу. Что касается литов, то их вергельд выражается в 100 шиллингов и ниже. Раб совершенно не имеет вергельда, господин получает только штраф с убийцы в размере понесенного им убытка.

Мы имеем все основания предполагать, что германцы поселившиеся на территории Британии, селились здесь сельскими общинами. Сельская община-это характерное явление для Англии в течение всей ее истории.

У нас есть все основания предполагать, что сельская община-древнейшего происхождения. Имеются указания, что значительная часть земли находилась в общем пользовании, именно леса и пастбища, уже в древнейшие времена. Некоторые исследователи, особенно Метланд, юрист по своей профессии, который занимался исследованием древнейших юридических учреждений/умер в 1906г./ и обладал исключительной способностью распознавать и характеризовать труднейшие и сложнейшие вопросы интерпретации памятников, считает, что деревенская община с точки зрения юридической представляет собой столь сложное явление, что оно не могло явиться на ранних ступенях развития общества. С его точки зрения община представляла собой более позднее явление, которое явилось результатом организующей воли помещика. Такую же точку зрения разделял и Сибом, с тою лишь разницей, что он переносит ее на очень древнюю эпоху. По его мнению крепостная община сложилась в римские времена и продолжала существовать в истории англо-

саксов в течение англо-саксонского периода и последующих периодов. Тенденциозность этих точек зрения и их своеобразная политическая направленность для нас ясны. Сибом этого не скрывает. Ему хотелось доказать, что общинное владение относится к прошлому истории, что это уже изжитый момент, а вовсе не идеал для будущего. Другая его идея - что всякая община связана с порабощением и что задача современной культуры есть освобождение индивидуума от всяких элементов коммунизма. Точка зрения Метланда менее политически заострена, дана в гораздо более тонкой форме, но в ней тоже имеется определенная тенденция отрицать первобытную общину и связывать эту общину с крепостными отношениями. Виноградов, который является в этом отношении главным авторитетом, на основании огромного материала источников определенно утверждает существование общины у англо-саксов с первых времен их поселения на территории Англии и связывает ее с той родовой общиной, которая существовала у германцев в эпоху Цезаря и Тацита и которая выступает в англо-саксонской обстановке не как родовая, а как сельская община, в которой принимают участие не только родичи, но и поселенцы со стороны.

Родовые элементы еще имеются налицо у англо-саксов, в частности, как раз в уплате этих вергельдов, - род получает вергельд за убитого, причем получает не только род по отцу, но и род материнский: две трети идет отцовскому роду и одна треть материнскому. Тем не менее, в этой общине родовые отношения успели значительно распасться. Мы видим здесь общину соседскую, а не родовую. Эта община выступает перед нами в течение всей истории Англии с довольно определенными чертами. Мы видим общинное владение лесом, общинное владение пастбищами, но индивидуальное владение пашней. Передел этой пашни мы замечаем в редких случаях, как правило, пашня не переделяется, она находится в индивидуальном владении каждого отдельного двора, но пашня разделена чересполосно по всей территории деревенских полей. Каждый член общины владеет целым рядом полос в отдельных полях. Система земледелия, которая существовала у англо-саксов, тоже может быть реконструирована с большей или меньшей степенью достоверности. По-видимому, в большей части Англии господствовала двухпольная система земледелия, но мы встречаемся и с более сложной системой земледелия, которая является переходной от переложной системы земледелия уже к двухпольной или трехпольной. Мы видим, что двухпольная система применяется лишь на некоторой части земель общины, на большей части земель общины, особенно на севере Англии, где было больше свободной земли и где, конечно, земледельческая культура была ниже, большая часть земли обрабатывается на основе переложной системы. Сравнительно незначительная часть этой территории берется под обработку, снимается один или несколько уро-

жаев и потом она опять запускается под пастбище на много лет. Таким образом, при этой системе основу хозяйства составляет пастбищное хозяйство, но уже выделена часть земли под постоянное земледелие, так называемые внутренние земли, на которых господствовала двухпольная или трехпольная система. Во всяком случае, земледелие составляет уже основу англо-саксонского хозяйства того времени.

Много хлопот историкам доставил здесь один терминологический вопрос о так называемой народной земле-фокленд, о которой упоминают некоторые источники. Под этой народной землей понимали все земли, которые не были заняты так или иначе отдельными общинами и находились в собственности всего народа в целом. Тот же Виноградов указал истинное значение термина "фокленд". Народной землей называется та земля, которая держалась на народном праве, именно-каждый член деревенской общины владел своей землей не в силу какой-нибудь грамоты, а именно как член общины, по народному праву. Если он продавал эту землю или отчуждал ее, то он мог это делать также только по народному праву, т.е. с согласия членов этой общины в специальном собрании, о котором сейчас будет итти речь. "Фокленд" противопоставлялось "бокленд"-англо-саксонское слово, соответствующее германскому бухланд, т.е. книжная. Земля могла быть получена по грамоте, собственность на нее подтверждалась грамотой. Такого рода собственность на землю возникает у англо-саксов под влиянием церкви. Эта собственность связана с гораздо большими правами, с правом отчуждать землю по грамоте, не спрашивая разрешения других членов общины. Она не была связана с общим народным правом, а представляла собой частную собственность владельцев. Эта собственность, как мы увидим дальше, есть собственность привилегированная. Во всяком случае, как бы ни относиться к теории фокленда, в общинном владении деревни находились довольно большие пространства земли-леса, пастбища и т.д., причем леса и пастбища находились в целом ряде деревень нераздельно, особенно в болотистых местностях Англии. Мы знаем, что болотистые пространства находятся в общем владении целого ряда деревень, то же самое и леса. Общинные порядки выступают здесь перед нами очень отчетливо. Не было причин, которые привели бы к их разложению, как это мы видели в тех общинах, где германцам пришлось селиться среди густого римского населения, где господствовали совершенно иные порядки. Таким образом, деревенская община представляет собой основу англо-саксонского общественного строя. Эта деревенская община выступает перед нами не только как определенная сельско-хозяйственная единица, но как определенная социальная и политическая организация. Деревенская община созывает деревенский сход, где решаются всякие дела, касающиеся общины, как по сельско-хозяйственным вопросам, так и по вопросам раскладки тех или иных повин-

да спорные вопросы, которые возникают на почве владения среди членов общины. Это низовая ячейка англо-саксонского общества. Затем мы видим другую организацию, которая об"единяет несколько деревень. Это т.н. сотня. Сотню мы видим всюду, где есть германские поселения. Известные указания имеются и у Тацита. По видимому сотня представляла из себя территорию, которая выставляла сто воинов. Позднее это значение было потеряно и под сотней понималась известная территория, об"единяющая несколько деревень. Сотня иногда об"единяла несколько десятков деревень. Население этого круга собиралось регулярно раз в три недели. Сначала, по видимому, на эти собрания собиралось все население сотни, а впоследствии стали приходить лишь представители от каждой деревни. Обязанность представлять деревню в сотне связывалась с определенным двором, члены которого по наследству являлись этими представителями. На сотенных собраниях разбирались важнейшие судебные дела между крестьянами, как возникшие на почве гражданских споров, споров имущественных, так и уголовных дел. Здесь же решался и вопрос о раскладке повинностей между отдельными деревнями. Наконец, мы видим еще одну систему собраний, правда, мы с большей отчетливостью видим ее в более позднюю эпоху, когда все англо-саксские королевства об"единились и вся Англия была разделена, примерно, на 40 округов, так называемых графств; это-собрания графств, куда входят несколько сотен. Состав их был не одинаков, в некоторых было четыре сотни, в других по десять сотен и больше. Собрание графства стояло над собранием сотни, туда являлись те же самые представители деревень, которые не могли найти разрешения на собрании сотен. Как раз на собраниях сотен и собраниях графств происходил этот передел земли по народному праву" фокленда" в присутствии представителей деревень. Мы видим, следовательно, довольно сложную организацию, которая в развернутом виде выступает в более позднюю эпоху, но мы можем предположить, что и в более раннюю эпоху, когда происходило основание англо-саксонских королевств на территории Британии, уже тогда существовали, чрезвычайно напоминающие эти собрания графств, собрания населения всего королевства, потому что целый ряд отдельных маленьких королевств стал потом графствами. Такое королевство, как Кентское, скажем, стало потом графством, одним из округов, вошедших в состав англо-саксского королевства, или, скажем, королевство Сессекское или, другими словами, королевство южных саксов, потом стало отдельным графством, или королевство Эссекское-королевство восточных саксов, или Уэссекское-королевство западных саксов. Собрание представителей всего королевства потом перешло в собрание населения графства.

Таким образом, в доклассовое в основе общество англо-саксов получило в этой системе сельской общины, сотни и графств определенную организацию, которая оказалась чрезвычайно живучей и прожила в течение многих столетий, перейдя уже и через процесс феодализации. Во всяком случае, эта организация носит характер общинный,

характер древнейшей организации, возникающей еще из порядка свободной германской общины.

Но наряду с простыми германскими крестьянами, владеющими более или менее равными наделами земли, в деревенской общине уже с ранней поры поселения англо-саксов имеется и эрлы, родовая аристократия, и раздел земель германцами, конечно, производился тоже не поровну, эрлам выделялись более крупные владения. При этом процесс покорения местного населения, закрепощение его создавали уже с самого начала определенные предпосылки для классовой эксплоатации. Рядом с этими свободными деревнями имеется основание предполагать существование деревень не свободных, деревень, населенных летами или рабами. Мы видим, что крупные землевладельцы эксплоатируют с ранних пор летов или рабов, как эксплоатировали германцы своих рабов уже в эпоху Тацита, т.е. сажали их на землю и требовали определенный оброк. Но очень рано возникают и иные отношения. Крупные землевладельцы, эрлы, выделяли часть своей земли под господскую запашку и обрабатывали ее руками летов и рабов. Местами мы встречаем крупные поместья, которые обрабатываются даже целиком руками рабов. Трудно судить, насколько этот режим является пережитком римских порядков, но такого рода явления представляют собой все же исключение. Более характерным для ранних поместных отношений является поместье феодального типа, поместье, на котором непосредственный производитель лет или раб имеет свой надел и с него несет известные повинности господину, как барщинные, так и оброчные. При этом можно думать, что надел лета или раба был меньше, чем надел свободного англо-сакса. Существует целая литература по вопросу о гайде, как назывался надел свободного англо-сакса. Впоследствии гайда равнялась 120 акрам/около 50га/. Это довольно большой размер для крестьянского надела. Но еще большой вопрос, действительно ли все свободные германцы имели наделы в одну гайду, или эта земельная мера является пережитком того времени, когда не было полного раздела между отдельными семьями. Вопрос спорный, и здесь я его не касаюсь. Во всяком случае, мы видим рядом со свободными деревнями наличие деревень, населенных крепостными крестьянами или сидящими на земле рабами. Рабы в то время действительно были рабами не только по названию, но и в том смысле, что их можно было продать. В англо-саксонском обществе мы видим работорговлю. Восточные купцы приезжают в Англию для покупки рабов. Таким образом, торговля рабами имела место в англо-саксонском обществе, хотя в основе своей это не было рабовладельческое общество. Мы видим здесь начатки феодального производства, переплетающегося с некоторыми элементами рабовладения.

Одним из крупных владельцев земли была церковь, которая с конца VI века начинает играть в жизни англо-саксов крупнейшую роль. Христианизация Англии шла с двух концов: с одной стороны из Рима, с другой стороны из Ирландии, которая была христианизирована еще

У столетии. Здесь развивается своеобразная церковная культура. По видимому, эта христианизация шла из южной Галлии. Южная Галлия имела целый ряд сношений с Ирландией морем. Поэтому в Ирландии развивается в У столетии своеобразная христианская культура, оставившая много любопытных памятников, в частности, памятников письменности.

Ирландцы христианизировали север Англии/Нортумберленд/. Кроме того, христианизация шла с юга, из Кента и дальше. Кент был первым из англо-саксских королевств, принявших христианство, поэтому епископство Кентерберийское является древнейшим в Англии, и архиепископ Кентерберийский является главой церкви английской.

Христианская церковь является с самого начала церковью определенного класса. Мы видим, что в своей миссионерской деятельности миссионеры прежде всего обращались к королям, и уже после того, как короли и эрлы принимают христианство, идет обращение в христианство и остального населения. Церковь с первых шагов своих на англосаксской почве выступает, как, впрочем, и в других местах, как орудие определенного класса, при этом она уже очень рано оказывается крупным землевладельцем. Англосаксские короли одаривают церковь крупными земельными наделами с сидящим на этих землях населением/т.н. трибариями/. Для нас неясно, что это за трибарии: литы или рабы, или это свободные люди, которые обязываются давать в пользу церкви известную дань. При этом церковь вносит и новые юридические понятия, в частности, бокленд-сдачу земли по грамоте. Распределение земель по грамоте "бокленд", представляет уже известные моменты развития частной собственности. Крупные землевладельцы начинают теперь владеть землей по грамоте. При этом эта "бокленд" дает не только полное право распоряжения землей, не спрашивая мнения общины и не утверждая это на сотенном собрании, но она, кроме того, создает целый ряд привилегий. Надо отметить, что правительственные средства у англо-саксских королей были очень незначительны, все почти государственные повинности, которые несли англо-саксы, были повинностями натурального характера, в первую очередь отбывание воинской повинности, затем связанная с этим починка крепостей, починка дорог, обязанность кормить короля во время его выездов, так называемая "фирма" или "пастус", - обязанность пасти короля, его свиту, его домашних и его собак во время объезда им своих владений. Право на "пастус" очень часто передавалось королем крупным землевладельцам, а также церкви. Таким образом, крупнейшие землевладельцы становились в отношении получения этого пастуса на место короля. Население этих земель вынуждено было нести в пользу крупного землевладельца еще ряд дополнительных повинностей в виде кормов. Роль крупного землевладения и подчинение этим крупным землевладениям свободного населения Англии-явление, характерное для тех столетий, которые последовали за занятием германцами Британии. Мы видим здесь до-

вольно сложный процесс, в результате которого совершается постепенное подчинение, закрепощение свободной германской общины крупными землевладельцами. Имеется налицо крупное землевладение, феодальное поместье, обрабатываемое рабами и летами. Наряду с этим существует еще и свободная община. Постепенное подчинение этой свободной общины, постепенное закрепощение ее крупным землевладением составляет содержание истории Англии англосаксонского периода. Идет сложный процесс, в котором с одной стороны выступает подчинение малоземельного крестьянства крупным землевладельцам, у которых они вынуждены искать земли, с другой стороны - личное подчинение, передача земли свободными общинниками крупным землевладельцам для того, чтобы найти у них защиту от притеснений. Класс крупных землевладельцев в целом теснит и притесняет свободного общинника до тех пор, пока он не сдаст свою землю и не подчинится крупному землевладельцу. Наконец, государство, как орган крупного землевладения, поскольку растет это крупное землевладение, является одним из важнейших организаторов в процессе закрепощения прежде свободной массы.

-0-0-0-0-0-0-0-0-0-0

БИБЛИОТЕКА Коммунистической АКАДЕМИИ